

МОЛОДОЙ

ISSN 2072-0297

СПЕЦВЫПУСК

Институт социально-экономических исследований
Уфимского научного центра РАН

Стратегические приоритеты
территориального развития
и проблемы их реализации

Является приложением к научному журналу
«Молодой ученый» № 5 (109)

УЧЁНЫЙ

международный научный журнал

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ФОТО-МЕХАНИЧЕСКИЯ МАСТЕРСКАЯ
С. М. ПРОКУДИНЪ-ГОРСКАГО.

С.-Петербургъ, Б. Подъячская, 22.

Телефонъ 1118.

16+

5.4
2016

ISSN 2072-0297

Молодой учёный

Международный научный журнал

Выходит два раза в месяц

№ 5.4 (109.4) / 2016

СПЕЦВЫПУСК

Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН
СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ И ПРОБЛЕМЫ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ

Редакционная коллегия:

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Члены редакционной коллегии:

Ахметова Мария Николаевна, доктор педагогических наук

Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук

Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук

Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук

Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук

Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук

Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук

Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук

Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук

Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук

Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук

Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук

Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук

Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук

Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук

Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, кандидат педагогических наук

Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения

Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук

Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук

Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук

Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук

Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук

Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук

Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук

Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук

Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук

Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук

Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук

Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук

Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук

Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук

Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук

Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук

Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук

Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук

Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук

Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Почтовый адрес редакции: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <http://www.moluch.ru/>.

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый».

Основной тираж номера 500 экз., фактический тираж спецвыпуска: 20 экз. Дата выхода в свет: 1.04.2016. Цена свободная.

Материалы публикуются в авторской редакции. Все права защищены.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г.

Журнал входит в систему РИНЦ (Российский индекс научного цитирования) на платформе elibrary.ru.

Журнал включен в международный каталог периодических изданий «Ulrich's Periodicals Directory».

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)

Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)

Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)

Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)

Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)

Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)

Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)

Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)

Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)

Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)

Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)

Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)

Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)

Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)

Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, кандидат педагогических наук, заместитель директора (Узбекистан)

Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)

Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)

Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)

Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)

Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)

Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)

Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)

Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)

Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)

Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)

Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)

Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)

Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)

Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)

Узаков Гулом Норбоевич, кандидат технических наук, доцент (Узбекистан)

Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)

Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)

Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)

Руководитель редакционного отдела: Кайнова Галина Анатольевна

Ответственный редактор спецвыпуска: Шульга Олеся Анатольевна

Художник: Шишков Евгений Анатольевич

Верстка: Бурьянов Павел Яковлевич, Голубцов Максим Владимирович

На обложке изображен Сергей Михайлович Прокудин-Горский (1863–1944) — русский фотограф, химик, изобретатель, издатель, педагог и общественный деятель.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

СОДЕРЖАНИЕ

Атаева А. Г. Проблемы постреформенного развития системы местного самоуправления в Российской Федерации1	Орешников В. В. Информационно-логическая схема управления поведением агента «Человек»26
Гаврикова А. В. Социально-демографическая устойчивость региона: критерии оценки..... 4	Петрова И. В. Особенности геодемографической ситуации в Республике Башкортостан.....29
Иванов П. А. Анализ финансовых аспектов стратегии национальной безопасности РФ7	Сахапова Г. Р. Оценка уровня использования финансового потенциала региона (на примере Республики Башкортостан).....32
Ишмуратова Д. Ф. Образование в контексте устойчивого развития: уровни взаимодействия 9	Тютюнникова Т. И. Стратегии муниципальных образований и их встраивание в целостную систему стратегирования России35
Каширина Е. С. Возобновляемые источники энергии как фактор развития энергетической системы Республики Башкортостан12	Уляева А. Г. Формирование системы управления городской агломерацией на основе принципов корпоративного и административного управления38
Кобзева А. Ю. Оценка состояния научно-исследовательского кадрового потенциала: зарубежный опыт.....15	Чернуха Д. С. Влияние туризма на социально-экономические процессы 41
Кузнецова Ю. А. Параметры внешнеэкономической деятельности г. Уфы.....19	Шмакова М. В. Согласование интересов разноуровневых территориальных образований: стратегическая компонента46
Мигранова Л. И. Теоретические аспекты согласования интересов экономических агентов22	

Проблемы постреформенного развития системы местного самоуправления в Российской Федерации

Атаева Айсылу Гарифулловна, кандидат экономических наук
Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН

В 2009 году закончился переходный период реформы местного самоуправления (МСУ), в результате которого оформилась сетка муниципальных образований (МО) как формы организации экономического пространства страны, объединяющих в себе население, инфраструктуру, ресурсы и факторы хозяйственного процесса, обладающих необходимым потенциалом саморазвития, основной целью которых является упорядочение осуществления местного самоуправления для обеспечения базовых условий жизнедеятельности населения и предоставления муниципальных услуг. Правовые, территориальные, организационные и экономические принципы организации местного самоуправления в Российской Федерации, государственные гарантии его осуществления были определены в Федеральном законе № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 года (далее ФЗ-131) [1], который и положил начало процессу реформирования системы МСУ.

По прошествии десяти лет с принятия ФЗ-131 можно говорить о недостижении базовых принципов концепции реформирования местного самоуправления, прежде всего это касается принципа финансовой самостоятельности муниципальных образований. Так, одной из задач реформы являлось обеспечение реальной самостоятельности местных бюджетов за счет закрепления за ними постоянных доходных источников и повышение роли местных налогов, а также расширения прав МО в привлечении за-

емных средств. Однако на сегодня можно уверенно говорить о финансовой несостоятельности МО и невозможности их функционирования без финансовой помощи со стороны государства.

Если до реформы МСУ две трети доходов местных бюджетов составляли налоговые доходы, в том числе значительную часть (12,25 %) приходилась на местные налоги, то после 2003 года ситуация стала диаметрально противоположной — налоговые доходы стали составлять менее 30 % от общих доходов местных бюджетов (в том числе местные налоги — 3,4 %). К настоящему времени ситуация немного улучшилась, в том числе, за счет установления дополнительных отчислений от федеральных и региональных налогов и сборов [2].

Трансформация структуры доходов местных бюджетов в сторону усиления их финансовой зависимости представлена на рис. 1.

Изменение отношения государства к финансовым возможностям МО в части лишения их собственных источников доходов можно отследить, если сравнить количество и состав местных налогов за период существования Российской Федерации. К началу времени реформирования МСУ в России большинство местных налогов и сборов (19 в соответствии с Закон РФ от 27.12.1991 № 2118-1 «Об основах налоговой системы в РФ») были отменены, в том числе в рамках бюджетной и налоговой реформы 1998 г., связанной с принятием Налогового кодекса РФ. По итогам реформ за местным уровнем осталось пять на-

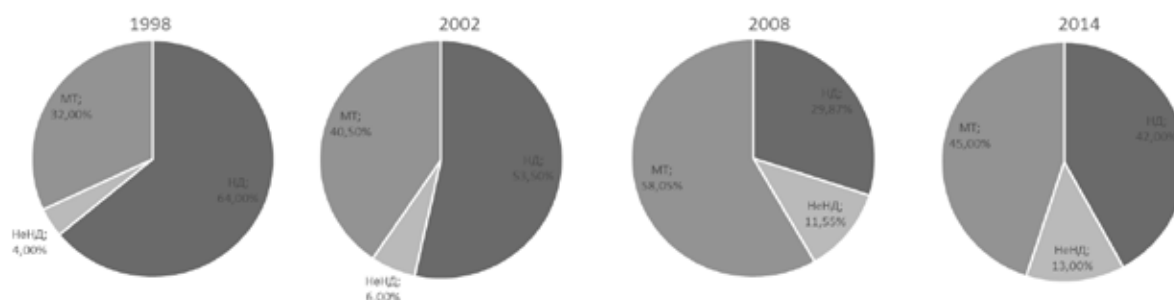

Рис. 1. Изменение структуры налоговых доходов местных бюджетов РФ до и после реформы МСУ (НД — налоговые доходы, НенД — неналоговые доходы, МТ — межбюджетные трансферты)

Источник: составлено нами по данным Министерства финансов РФ «Информация о результатах проведения мониторинга исполнения местных бюджетов и межбюджетных отношений в субъектах Российской Федерации на региональном и муниципальном уровнях»

логов, из которых со временем три местных налога были отменены. До последнего времени за МО были закреплены только земельный налог и налог на имущество физических лиц, и только с 2015 года введен новый местный налог — торговый сбор (ст. 15 НК РФ в редакции федерального закона от 29.11.14 г. № 382-ФЗ), связанный с предпринимательской деятельностью на территории МО и использованию субъектами малого и среднего предпринимательства объектов движимого и недвижимого имущества на локальной территории.

Подобные результаты реформирования МСУ отчасти связаны с изначальным несовершенством институционального оформления реформы. Так, за период с момента принятия ФЗ-131 в 2003 году и по сегодняшний день в него внесено более 500 поправок в 95 нормативно-правовых актах, практически все статьи закона были дополнены или изменены. Основные трансформации системы МСУ были введены с принятием федерального закона № 136-ФЗ от 27.05.2014 № 136-ФЗ «О внесении изменений в... Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»», который развил организационные, территориальные, правовые основы МСУ, однако финансово-экономические основы местного самоуправления не затронул.

На рис. 2. представлены виды МО в РФ, к которым, согласно изменениям в ФЗ-131, были добавлены два вида муниципальных образований: городской округ с внутригородским делением и внутригородской район, статус и критерии деления которых устанавливаются законом субъекта Российской Федерации и уставом городского округа.

Такое изменение территориальной структуры МСУ и появление уровня внутригородских районов в городских районах усложняет действующую систему межбюджетных отношений в России. Например, в системе дотаций появляются дополнительные дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности внутригородских районов, которые согласно ст. 137 Бюджетного кодекса предусматриваются в бюджете субъекта Российской Федерации

в целях выравнивания финансовых возможностей внутригородских районов по осуществлению органами МСУ полномочий по решению вопросов местного значения.

Еще одним спорным вопросом внесения изменений в ФЗ-131, касающимся самостоятельности МСУ, является вопрос изменения способа формирования органов местного самоуправления. Так, при формировании конкурсной комиссии половина ее участников формируется высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации (руководителем высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации). То есть органы государственной власти выступают наравне с местным уровнем при формировании органов местного самоуправления, что в определенной мере нарушает конституционный принцип самостоятельности МСУ.

Также изменениями в ФЗ-131 определено, что региональными законами могут перераспределяться полномочия между МСУ и органами субъектов Федерации. Такое перераспределение допускается на период не менее срока полномочий законодательного (представительного) органа региона. Учитывая, что стабильно из года в год растет количество полномочий, передаваемых государством на местный уровень (236 в 2008 году и 515 в 2014 году по всем субъектам Российской Федерации) вместе с соответствующим финансированием расходов на исполнение полномочий (субвенции) — это еще больше усилит диспропорцию структуры доходов местных бюджетов в сторону усиления финансовой зависимости от вышестоящих бюджетов.

Помимо проблем взаимоотношения института МСУ с государством в части сохранения и обеспечения самостоятельности МО в решении вопросов местного значения, есть и ряд других важных проблем развития территорий локального уровня: высокий уровень дифференциации социально-экономического развития МО разных видов, снижение возможностей и незаинтересованность органов МСУ в развитии налогооблагаемой базы МО, невысокий уровень компетенции муниципальных служащих и, как следствие, низкий уровень использования технологий

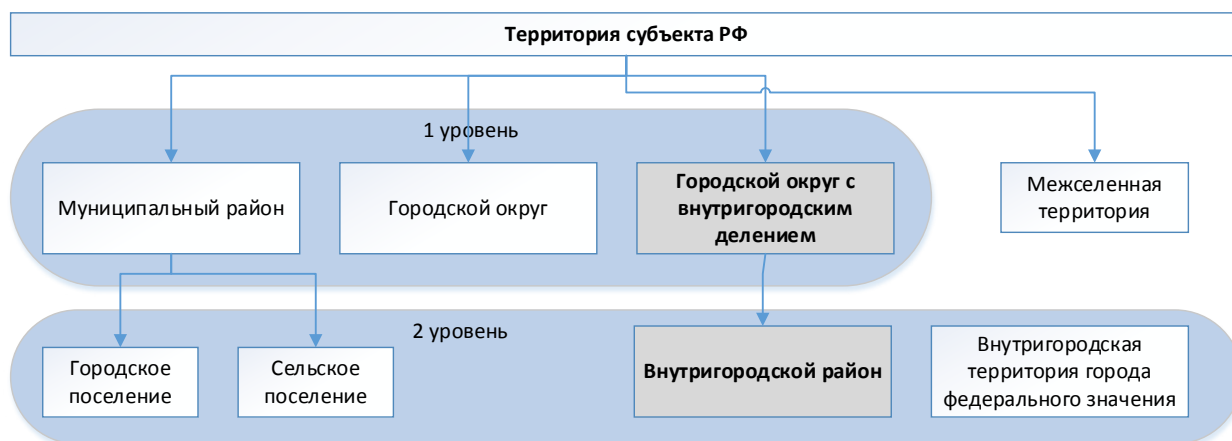

Рис. 2. Виды муниципальных образований Российской Федерации

управления в активизации потенциала саморазвития МО и многое другое. Эти проблемы актуализируют необходимость поиска новых инструментов и технологий развития МСУ как основы конституционного строя России и гарантии качественного предоставления муниципальных услуг [4], исходя из собственных интересов с учетом исторических и иных традиций.

Не рассматривая весь комплекс инструментов развития МО, хотелось бы отметить два важных аспекта, касающихся, во-первых, объективных тенденций трансформации внутрирегионального экономического пространства, которые вынуждают изменять подход к МО как локальной территориальной социально-экономической системе; во-вторых, необходимости формирования стратегического мышления у органов местного самоуправления и понимания необходимости стратегического управления территорией с учетом согласования основных экономических агентов МО и интересов вышестоящих территориальных социально-экономических систем.

Первый аспект касается прежде всего усиливающихся процессов агломерирования как ускоренного процесса урбанизации в муниципальных образованиях и совершенствования территориальной структуры экономического пространства не только на уровне «федерация — субъект федерации», но и во внутрирегиональной структуре между МО [7]. Примером может служить ГО г. Уфа, в котором в последние годы активизировались процессы урбанизации и субурбанизации, причем если инвестиции и иные финансовые ресурсы стягиваются в столицу, то население начинает приезжать в близлежащие районы, в которых происходят усиленные процессы маятниковой миграции [5,9].

В настоящее время активно обсуждаются подходы к развитию муниципалитетов на основе межмуниципальных агломераций, суть которых в переходе от старых поселений в виде отдельных городов и населенных пунктов к новым, среди которых преобладают крупные поселения городского типа. Формирование агломераций положительно сказывается на общерегиональном развитии, превращаясь в экономический локомотив роста региона.

С другой стороны, городские агломерации, расширяясь, втягивают в себя существенную часть трудоспособного населения сельских районов региона, в свою очередь миграционная убыль может привести к крайне негативным демографическим последствиям на периферии региона [3]. В результате сжатия экономического пространства на этих территориях постепенно образуется экономический вакуум, негативно влияющий на социально-экономическое развитие МО и, как следствие, на уровень жизни оставшегося на периферии. Есть угроза утраты и культурной самобытности, национальной идентичности и возможному вымиранию отдельных этносов региона.

Поэтому при формировании основных направлений региональной политики необходимо учитывать как объективные тенденции стягивания экономического пространства вокруг крупных регионов, так и возможные негативные последствия их агломерирования.

Относительно второго аспекта совершенствования технологий управления муниципальным образованием хотелось бы отметить, что использование инструмента стратегического планирования и программирования развития должно учитывать интересы прежде всего самого МО как экономического агента в условиях несогласованности целей развития территорий на разных уровнях управления, многоагентности объектов территориального управления, открытости системы и существенного влияния внешних воздействий на экономику муниципального образования [6,8]. Так при отборе проектов и включения их в качестве мероприятий по реализации программ развития территорий необходимо учитывать влияние программ на налогооблагаемую базу территории и стимулирование развития основных экономических агентов: хозяйствующих субъектов (прежде всего субъектов малого и среднего предпринимательства) и домохозяйств МО. Ключевыми элементами стратегического управления развития территориальных систем должны являться интересы экономических агентов и механизм их согласования, инструменты управления и регулирования поведением экономических систем.

Литература:

1. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 30.12.2015) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2016) [Текст] // Справочная правовая система Консультант плюс (дата обращения 16.02.2016 г.)
2. Атаева, А. Г. Механизм формирования финансовой самостоятельности муниципальных образований // диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук/Уфимский научный центр РАН. Уфа, 2011
3. Гайнанов, Д. А. Агент-ориентированное моделирование системы территориального развития [Текст]/Д. А. Гайнанов, Л. И. Мигранова, Л. Д. Сайфуллина // Управление экономикой: методы, модели, технологии: материалы XV международной научной конференции. В 2 т. Т. 2. — Уфа: УГАТУ, 2015. — с. 141–145.
4. Зиннурова, Г. Р., Орешников В. В. Методические аспекты оценки развития сферы муниципальных услуг [Текст]/Г. Р. Зиннурова, В. В. Орешников// Фундаментальные исследования. — 2015. — № 12–6. — с. 1219–1223.
5. Кобзева, А. Ю. Базисные факторы формирования трудового потенциала региона в условиях усиления межмуниципальных связей городских агломераций [Текст]/А. Г. Атаева, А. Ю. Кобзева // Фундаментальные исследования. — 2015. — № 11–6. — с. 1184–1189.

6. Орешников, В. В., Низамутдинов, М. М. Разработка стратегий развития муниципальных образований на основе имитационного моделирования [Текст]/В. В. Орешников, М. М. Низамутдинов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2011. — № 5 (17). — с. 138–146.
7. Тажитдинов, И. А., Атаева, А. Г. Методологические основы изучения сущности и способов организации внутрирегиональных территориальных социально-экономических систем [Текст] // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 6. с. 450.
8. Уляева, А. Г. Принципы и механизм применения программно-проектного подхода на муниципальном уровне [Текст]/Э. Р. Исмагилова, А. Г. Уляева // Инновационные технологии управления социально-экономическим развитием регионов России: Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. В 2-х частях. Часть I. — Уфа: ИСЭИ УНЦ РАН, 2015. — 334 с. — с. 92–97.
9. Чернуха, Д. С. Оценка конкурентоспособности видов экономической деятельности г. Уфы [Текст]/Д. С. Чернуха // Стратегический план экономического развития городского округа город Уфа Республики Башкортостан до 2030 года: монография/Администрация г. Уфы, ИСЭИ УНЦ РАН. — Уфа: ИСЭИ УНЦ РАН, 2015. — с. 24–30. — ISBN 978-5-904122-96-6.

Социально-демографическая устойчивость региона: критерии оценки

Гаврикова Анастасия Владимировна, кандидат географических наук
Институт социально-экономических исследований УНЦ РАН (г. Уфа)

Население — ключевой ресурс любой страны, без него не возможна жизнь и развитие государства. Но в последнее время демографические процессы, происходящие как в Российской Федерации, так и Республике Башкортостан, имеют ярко выраженный негативный характер. Низкая рождаемость в сочетании с высокой смертностью привели к эффекту депопуляции, выразившемуся в естественной убыли населения в подавляющем большинстве регионов страны и в России в целом [1]. Данные тенденции негативно сказываются на развитии общества, а социально-демографическая устойчивость является барометром социально-экономического развития региона.

Социально-демографическая устойчивость широкое понятие, которое включает в себя совокупность демографических процессов и социально-экономических факторов, влияющих на них, и их благоприятное развитие в долгосрочной перспективе.

Большинство специалистов ограничивает исследование демографических процессов оценкой естественного движения населения. При этом выделяют два вида движения населения: естественное (непрерывное изменение численности и структуры населения в результате рождений, смертей, браков и разводов) и механическое (изменение населения в процессе миграции).

Понятие «воспроизводство населения» является одним из важнейших составляющих демографической устойчивости. Так М. Н. Халкачев под «демографическим воспроизводством в целом» понимает непрерывное коли-

чественное и качественное возобновление демографических структур в соответствующих исторических и социально-экономических условиях [2].

Для исследования демографических процессов необходимо определить их структуру. Под «демографической структурой» понимается внутреннее строение единой совокупности населения, обладающей множеством качественных признаков. Структура выражает соотношения между частями единой совокупности, взятыми по одному или нескольким качественным признакам. Непосредственно демографическими структурами являются структуры, которые связаны с воспроизводством населения. К ним относятся возрастная, половая, брачная и семейная структуры населения. Именно эти структуры, с одной стороны, прямо и непосредственно влияют на воспроизводство в целом и на составляющие его процессы рождаемости, смертности и брачности, а с другой — сами также зависят от этих процессов.

Отдельно можно выделить региональную и социально-экономическую демографические структуры. Региональные структуры населения — это широкое понятие, которое предполагает размещение населения по территориальным образованиям страны (регионы, районы, муниципальные образования). Социально-экономические структуры населения — это различные конфигурации групп населения, объединенные единством особенностей социально-экономического характера (социальная структура общества, распределение населения по источникам средств существования и т. д.)

Исходя из вышесказанного социально-демографическая устойчивость это состояние, обеспечивающее непрерывное возобновление количественных и качественных демографических структур в соответствующих исторических и социально-экономических условиях.

С учетом оценки условий и факторов, влияющих на динамику социально-демографической устойчивости, предложена методика территориального исследования. Она включает несколько этапов. На первом этапе проводится оценка демографической устойчивости территориальных образований Российской Федерации. Определяется место Республики Башкортостан в рейтинге регионов по ряду критериев. На втором и третьем этапах раскрывается социально-демографическая устойчивость муниципальных образований Республики Башкортостан и перспективы ее развития.

Ключевым индикатором социально-демографической устойчивости является демографическая ситуация. Три демографических показателя, из одиннадцати: ожидаемая продолжительность жизни, численность населения и смертность населения, даже включены в показатели оценки деятельности регионов Российской Федерации.

Показатели динамики населения и его основных структурных групп дают обобщающее представление о взаимодействии воспроизводственных и миграционных процессов, изменяющих параметры населения [3]. Показатели рождаемости и воспроизводства населения содержат описание информационной базы и методов расчета, характеризующих уровни и тенденции рождаемости и воспроизводства населения, то есть замещения поколений родителей детей. Наряду с этим в нем представлены шкалы и количественные критерии для сопоставления уровней рождаемости между собой и уровнями воспроизводства населения. Показатели смертности, продолжительности жизни и заболеваемости населения содержат описание информационной базы и методов расчета показателей, характеризующих уровни и динамику смертности населения в целом, в разрезе отдельных половозрастных групп и причин смерти, а также заболеваемость населения. Показатели брачности и разводимости отражают процессы, опосредованно влияющие на рождаемость, а в меньшей степени и на смертность и миграцию населения. Необходимо отметить, что вся совокупность показателей этого направления характеризует брачно-семейное состояние населения, формируемое под влиянием таких взаимосвязанных процессов, как заключение и расторжение браков (различной длительности) и овдовение [4].

Оценка социально-демографической устойчивости в целом и ее отдельных элементов в решающей мере определяется целями демографического развития конкретной территории. Для обеспечения устойчивого развития необходима стабилизация, либо рост численности населения [5]. Это достигается либо за счет нулевого естественного и миграционного прироста населения, либо при естественном приросте, компенсирующем миграционную убыль, либо при естественной убыли, компенсиру-

ванной миграционным приростом. В свою очередь, нулевой естественный прирост населения может формироваться при разных сочетаниях процессов рождаемости и смертности с учетом особенностей возрастной структуры населения. Таким образом, если цель демографического развития не конкретизирует, за счет каких источников должна быть обеспечена стабилизация населения, то все варианты достижения этой цели могут быть оценены позитивно.

С учетом имеющегося в России опыта социально-экономической группировки регионов России, изучения демографической ситуации регионов и возможностей использования необходимой информации для определения демографических процессов Республики Башкортостан и других территориальных образований Российской Федерации, предложена методика расчета интегрального индекса социально-демографической устойчивости, который позволит исследовать все критерии социальной устойчивости в комплексе и оценить уровень ее развития.

Методика основана на использовании показателей официальной статистики, наиболее значимых для определения демографической устойчивости и объединенных в три блока. В каждом блоке разное количество локальных показателей, в зависимости от того, насколько они могут быть использованы для сопоставлений, а также насколько статистические показатели достоверны и применимы для расчетов (таблица 1).

По каждому блоку рассчитывается индекс, который представляет собой интеграцию динамики локальных показателей за определенный период. Таким образом формула имеет вид:

$$R^i = \sqrt[n]{x_1^i * x_2^i * \dots * x_n^i}$$

где x_n^i — значение динамики показателя для определенного региона.

i — номер блока

n — число показателей в группе.

Значение динамики показателя вычисляется как среднеарифметическая величина цепных темпов роста за период, например:

$$x^i = \left(\frac{y_{2013}^i}{y_{2012}^i} + \frac{y_{2012}^i}{y_{2011}^i} + \dots + \frac{y_m^i}{y_{m-1}^i} \right) / n$$

где y_m^i — значение индикатора за m год

$m-1$ — предшествующий год

Для корректной интерпретации частных индексов учитывается разнонаправленность выбранных локальных составляющих, т.е. к отрицательно направленным локальным показателям используются обратные к ним величины (например, коэффициент смертности, количество разводов, прерывание беременности и т. д). Вышеприведенная формула приобретает следующий вид:

$$x^i = \left(\frac{y_{2012}^i}{y_{2013}^i} + \frac{y_{2011}^i}{y_{2012}^i} + \dots + \frac{y_{m-1}^i}{y_m^i} \right) / n$$

Таблица 1. Индикаторы социально-демографической устойчивости

Блоки	Локальные показатели
R^1 – Естественное движение населения	X^1_1 – численность населения (человек) X^1_2 – коэффициент рождаемости (рожденных на 1000 человек населения) y^1_3 – коэффициент смертности (смертей на 1000 человек населения) y^1_4 – коэффициент демографической нагрузки
R^2 – Механическое движение населения	y^2_1 – миграционный прирост (человек)
R^3 – Показатели социального развития института семьи	y^3_1 – коэффициент брачности (число браков на 1000 человек населения). y^3_2 – коэффициент разводимости (число разводов на 1000 человек населения) y^3_3 – отношение количества детей родившихся у матерей одиночек к количеству детей родившихся в браке (%) y^3_4 – Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (лет)

Таким образом, полученные коэффициенты, отражают динамику демографических процессов и в случаях с положительной динамикой демографическую устойчивость территорий. Если, получившийся коэффициент равен 1, то при этом мы наблюдаем статичность процесса.

Полученные индексы агрегируются, с помощью средней геометрической величины, в комплексный интегральный показатель — Индекс социально-демографической устойчивости.

$$I = \sqrt[3]{R_j^1 * R_j^2 * R_j^3}$$

Предложенная методика определения демографической устойчивости регионов позволит выявить особенности и основные тенденции ее развития, интегрировано исследовать все индикаторы демографических процессов. А так же поможет выявить дифференцированность социально-демографической устойчивости территорий.

Литература:

1. Садыков, Р.М. Демографический кризис как угроза социальной безопасности территориальных образований. Социосфера. 2014. № 4. с. 140–144.
2. Халкечев, М.Н. Демографическая динамика и демографическое развитие российских регионов Дис... канд. экон. наук: 08.00.05. — М., 2007. — 352 с.
3. Ишмуратова, Д.Ф., Мигунова Ю.В., Гаврикова А.В. Показатели демографического развития как ключевой аспект человеческого потенциала. Развитие человеческого потенциала как условие и фактор модернизации России и ее регионов: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции (Уфа, 19–20 ноября 2015 г.)/под ред. Р.М. Валиахметова, Г.Ф. Хилажевой. — Уфа: Гилем, 2015. — 516 с., С 225–228
4. Ишмуратова, Д.Ф. Социальная активность молодежи в воспроизводстве своего образовательного потенциала. Вестник ВЭГУ. 2013. № 4 (66). с. 182–186.
5. Орешников, В.В. Изменение половозрастной структуры населения Республики Башкортостан. Жизненный потенциал региона: социально-демографические проблемы современного общества (Аитовские чтения). Сборник материалов международной научно-практической конференции. Уфа, 2015. с. 331–334.

Анализ финансовых аспектов стратегии национальной безопасности РФ

Иванов Павел Андреевич, кандидат экономических наук
Институт социально-экономических исследований УНЦ РАН (г. Уфа)

В статье рассмотрены финансовые аспекты старой (принята 12 мая 2009 г.) и новой (принята 31 декабря 2015 г.) стратегий национальной безопасности РФ, государственной стратегии экономической безопасности.

Ключевые слова: стратегия национальной безопасности, финансы, экономический рост, индикаторы экономической безопасности.

В условиях возрастания социально-политической, финансово-экономической нестабильности в мире появляется необходимость разработки и совершенствования документов стратегического планирования и, прежде всего, в сфере обеспечения национальной безопасности. В канун нового 2016 года указом Президента РФ была утверждена новая стратегия национальной безопасности Российской Федерации (СНБ РФ) [11]. В отличие от предыдущей СНБ РФ от 2009 г. [10], которая была рассчитана на период до 2020 г., новая СНБ РФ имеет бессрочный характер. Кроме того, с точки зрения экономической безопасности (раздел «Экономический рост» СНБ РФ) редакция новой СНБ РФ имеет ряд существенных изменений от старой (табл. 1). Во-первых, в старой СНБ РФ стратегической целью являлось, прежде всего, вхождение России в пятерку стран-лидеров по объему ВВП (по данным Всемирного банка, в 2008 г. по объему ВВП, рассчитанному по паритету покупательной способности, Россия занимала 6 место (2878,2 млрд долл. США)). В 2013 г. Россия вышла на 5 место, обогнав Германию (3592,4 против 3553,6 млрд долл. США), и закрепив результат в 2014 г. В этой связи, в новой СНБ РФ на первый план выдвинуты создание условий для развития личности, переход экономики на новый уровень технологического развития.

Во-вторых, в новой СНБ РФ более жестко дана оценка сложившейся экономической политики в стране (не снижение, а низкий уровень конкурентоспособности отечественной экономики, не низкая защищенность, а незащищенность национальной финансовой системы) и более конкретно указаны источники стратегических угроз национальной безопасности (отсутствие финансовых механизмов защиты от спекулятивного иностранного капитала, регистрация прав собственности российских организаций в иностранной юрисдикции).

В-третьих, в отличие от старой стратегии в новой СНБ РФ более четко прописан субъект осуществления деятельности по противодействию угрозам национальной безопасности (органы государственной власти и органы местного самоуправления, а не непонятные с юридической, законодательной точки зрения силы обеспечения национальной

безопасности), который непосредственно реализует государственную социально-экономическую политику в данной области, а не только лишь нацелен на ее поддержку.

Тем не менее, несмотря на значительные отличия новой СНБ РФ от старой, показатели, характеризующие состояние национальной безопасности, существенно не изменились, хотя и были дополнены рядом новых показателей (рис. 1).

На наш взгляд, представляется странным удаление из списка показателей оценки национальной безопасности такого показателя как уровень совокупного (внутреннего и внешнего) государственного долга к ВВП, хотя и имеющий низкий уровень в настоящее время (11,7% в 2015 г.), т.к. он является одним из важнейших показателей финансового здоровья страны напрямую влияющих на уровень национальной безопасности. Также целесообразно дополнить раздел VI СНБ РФ «Основные показатели состояния национальной безопасности» пояснениями, раскрывающими суть представленных показателей, или дать отсылку к соответствующему нормативно-правовому акту.

Национальная безопасность имеет многоуровневую структуру (по уровням госуправления, по сферам деятельности и т.д.). Однако наиболее важной составляющей национальной безопасности, по-нашему мнению, является экономическая безопасность, которая сама по себе является связующим звеном между всеми остальными видами национальной безопасности. Определение состава показателей оценки экономической безопасности и, тем более, их пороговых значений — наиболее сложная задача, поскольку от адекватности, комплексности, доступности, оперативности получения необходимых данных зависит, в конечном счете, эффективность управления всеми имеющимися ресурсами, задействованными для достижения стратегических приоритетов [1–4, 6, 8].

Помимо рассмотренного выше экономического блока СНБ РФ также существует Государственная стратегия экономической безопасности [9], принятая 20 лет назад. Однако она содержит лишь основные положения, что и отражено в ее названии, которые к тому же в определенной степени устарели и не учитывают изменившиеся

Таблица 1. Сравнение редакций раздела «Экономический рост» в старой и новой СНБ РФ

Пункт Стратегии	Старая редакция от 12 мая 2009 г.	Пункт Стратегии	Новая редакция от 31 декабря 2015 г.
53	Стратегическими целями обеспечения национальной безопасности являются вхождение России в среднесрочной перспективе в число пяти стран-лидеров по объему валового внутреннего продукта, а также достижение необходимого уровня национальной безопасности в экономической и технологической сферах	55	Стратегическими целями обеспечения национальной безопасности являются развитие экономики страны, обеспечение экономической безопасности и создание условий для развития личности, перехода экономики на новый уровень технологического развития, вхождения России в число стран — лидеров по объему валового внутреннего продукта и успешного противостояния влиянию внутренних и внешних угроз
55	Главными стратегическими рисками и угрозами национальной безопасности в экономической сфере на долгосрочную перспективу являются ... <i>снижение</i> конкурентоспособности, ... потеря контроля над национальными ресурсами, ... <i>низкая устойчивость и защищенность</i> национальной финансовой системы	56	Главными стратегическими угрозами национальной безопасности в области экономики являются ее <i>низкая</i> конкурентоспособность, ... <i>незащищенность</i> национальной финансовой системы от действий нерезидентов и спекулятивного иностранного капитала, ... регистрация прав собственности в отношении значительной части организаций в иностранных юрисдикциях
61	Для противодействия угрозам экономической безопасности <i>силы обеспечения национальной безопасности</i> во взаимодействии с институтами гражданского общества <i>нацелены на поддержку</i> государственной социально-экономической политики	62	В целях противодействия угрозам экономической безопасности <i>органы государственной власти и органы местного самоуправления</i> во взаимодействии с институтами гражданского общества <i>реализуют</i> государственную социально-экономическую политику

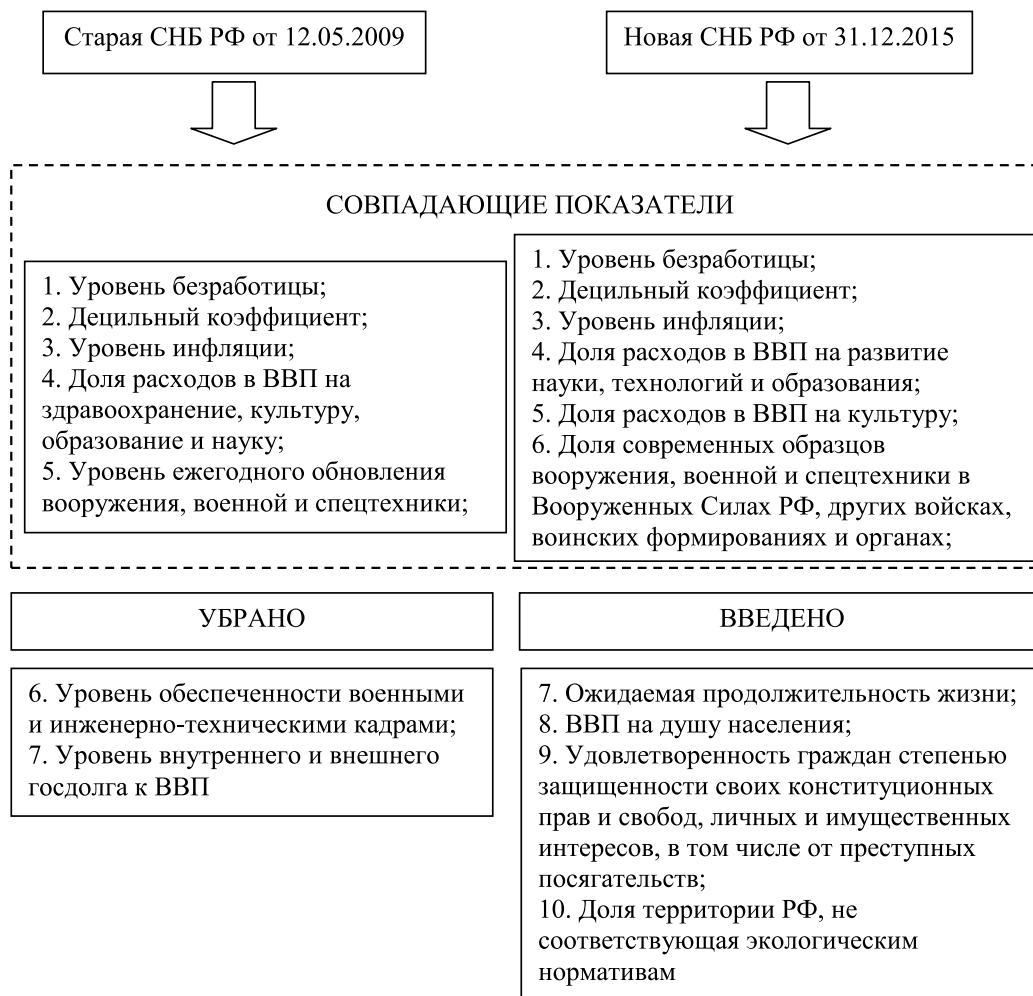

Рис. 1. Показатели оценки национальной безопасности в старой и новой СНБ РФ

геоэкономические реалии. Кроме того, несмотря на то, что количественные (пороговые) параметры показателей состояния экономики, отвечающие требованиям экономической безопасности РФ, в соответствии с [5] должны были быть разработаны еще к марту 1997 г., кроме одобренных в феврале 2000 г. научным советом Совета Безопасности РФ пороговых значений индикаторов экономической безопасности фактически представлено ничего не было, которые к тому же до сих пор официального го-

сударственного утверждения не получили [7, с. 48].

Таким образом, решение вопросов выявления, отбора и определения пороговых значений индикаторов экономической безопасности (особенно на региональном уровне) остается актуальной задачей, требующей разработки соответствующих теоретико-методологических подходов при проведении политики в области стратегического планирования и обеспечения национальной безопасности РФ и ее субъектов.

Литература:

1. Алтуфьева, Н.В. Проблемы инновационного малого и среднего предпринимательства в России // Проблемы функционирования и развития территориальных социально-экономических систем: Материалы IX Всероссийской научно-практической интернет-конференции. — Уфа: ИСЭИ УНЦ РАН, 2015. — с. 169–172.
2. Качество экономического роста: теория и практика оценки и управления/Н.И. Климова, С.А. Кириллова, Т.Ю. Алтуфьева и др. — М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2007. — с. 92–99.
3. Климова, Н.И., Бухарбаева Л.Я., Франц М.В., Шмакова М.В. Экономико-математическая модель финансового обеспечения стратегий регионального развития // Фундаментальные исследования. — 2015. — № 10. — С. 378–383.
4. Красносельская, Д.Х. Совершенствование организационно-экономических аспектов управления накоплением капитала региона // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. — 2015. — № 8.
5. Постановление Правительства РФ от 27 декабря 1996 г. № 1569 «О первоочередных мерах по реализации Государственной стратегии экономической безопасности Российской Федерации (Основных положений), одобренной Указом Президента Российской Федерации от 29 апреля 1996 г. № 608» // Собрание законодательства РФ, 13.01.1997, № 2, ст. 240.
6. Сахапова, Г.Р. Оценка уровня использования финансового потенциала региона в условиях нестабильности внешней среды // Инновационные технологии управления социально-экономическим развитием регионов России: Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. В 2-х частях. Часть I. — Уфа: ИСЭИ УНЦ РАН, 2015. — с. 230–236.
7. Сенчагов, В.К., Иванов Е.А. Закон о стратегическом планировании и задачи по его реализации // Вестник Финансового университета. — 2015. — № 3. — с. 38–50.
8. Тютюнникова, Т.И. Оценка региональных домохозяйств с позиции интегрированного подхода // Проблемы современной экономики. — 2014. — № 2 (50). — с. 270–273.
9. Указ Президента РФ от 29 апреля 1996 г. № 608 «О Государственной стратегии экономической безопасности Российской Федерации (Основных положениях)» // Собрание законодательства РФ, 29.04.1996, № 18, ст. 2117.
10. Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // Собрание законодательства РФ, 18.05.2009, № 20, ст. 2444.
11. Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 04.01.2016, № 1 (часть II), ст. 212.

Образование в контексте устойчивого развития: уровни взаимодействия

Ишмуратова Дина Фаритовна, научный сотрудник
Институт социально-экономических исследований УНЦ РАН (г. Уфа)

Управление социально-экономическим развитием общества относится к задачам, обладающих непреодолимой актуальностью. Любое общество в своем су-

ществовании сталкивается с противоречиями, которые могут выступать одновременно и результатом и источником его развития. Динамичность изменений, возрас-

тающая сложность и взаимосвязь различных процессов и явлений современной общественной жизни усиливают необходимость анализа и понимания тенденций развития, обоснованности принимаемых управленческих решений. Какие бы задачи и приоритеты не выдвигались в каждый конкретный момент, целью остается необходимость обеспечения баланса интересов и реализация потребностей населения, включая перспективное видение данных процессов.

Одной из концепций, включающей данные вопросы и получившей многостороннюю разработку и широкое признание, является парадигма устойчивого развития. Основная цель устойчивого развития — обеспечение человеческого благополучия нынешних и будущих поколений на основе рационального использования имеющихся ресурсов или капиталов. Существующие множество подходов к данной теме обусловили появление различных определений как самого понятия, так и его составляющих, концентрирующих внимание на каких-либо аспектах основных видов капитала — экономического, экологического, человеческого и социального [1]. Общей чертой, объединяющей подобные исследования, является попытка дать комплексную характеристику социальных, экономических, культурных, экологических и других условий жизнедеятельности человека, субъективных и объективных условий реализации его возможностей.

Несмотря на различия в методиках и показателях измерения устойчивого развития, во множестве из них используются показатели образования, отражающие уровень развития человеческого капитала. В исследованиях учитываются разные показатели — грамотность взрослого населения, его доступность всем социальным группам, уровень развития различных его отраслей и ступеней и т. д. Включение в анализ данных о состоянии системы образования характеризует этот институт как один из ключевых, определяющих благополучие и устойчивое развитие общества: «Система образования способствует человеческому благополучию в будущем, обеспечивая более высокое производство на душу и более высокую (многофакторную) производительность. В то же время образование имеет отношение к нынешнему благополучию, поскольку исследования показывают, что люди с более высоким уровнем образования испытывают большую удовлетворенность жизнью, имеют лучшее здоровье, более широкие возможности для социализации с другими и участия в жизни своих сообществ. Таким образом, образование вносит вклад в текущее благополучие и его устойчивость во времени» [2, с. 45].

Образование относится к числу важнейших социальных институтов, определяющих процесс воспроизводства общества как социальной системы, обеспечивающий возобновление социально-профессиональной структуры общества. Сложность и многогранность явления позволяет рассматривать его на различных уровнях: инфраструктуру, сложившиеся практики участия населения в данном процессе, а также в виде элемента человече-

ского капитала как совокупности «накопленных профессиональных знаний, умений и навыков, получаемых в процессе образования и повышения квалификации, которые впоследствии могут приносить доход — в виде заработной платы, процента или прибыли» [3, с. 11], который может быть в свою очередь трансформирован в другие формы капитала — экономический, политический и т. п. В современных условиях происходит повышение его значимости на всех уровнях, в том числе, в связи с необходимостью усиления инновационной составляющей во всех сферах жизнедеятельности. Доступ к соответствующим знаниям и компетенциям открывает именно система образования, становящаяся, таким образом, одним из необходимых средств достижения устойчивого развития: «Образование, будучи одним из основных прав человека, является ключом к устойчивому развитию, миру и стабильности внутри стран и в отношениях между ними и в силу этого служит необходимым средством для эффективного участия в жизни обществ и в экономике XXI века, которые затронуты ускоренной глобализацией» [4, с. 8]. Развитие образования входит в число ключевых стратегических национальных приоритетов, реализация которых лежит в основе обеспечения национальной безопасности.

Исследование образования в контексте устойчивого развития подразумевает рассмотрение не только его вклада в устойчивость социальной системы, но и с точки зрения собственного функционирования и развития, отвечающего актуальным запросам современности. К проблемам, характерным для данной сферы и получившим широкое освещение, относится вопрос качества образования на всех уровнях, характерной чертой которого является несоответствие между общественными и индивидуальными ожиданиями, включающее в том числе, дисбаланс между потребностями рынка труда и спектром специальностей, по которым ведется обучение. Данный аспект давно является предметом дискуссий, что обуславливает наличие различных точек зрения. С одной стороны, признается, что действительно существует значительный разрыв между потребностями рынка труда и контингентом выпускаемых специалистов, особенно это касается сферы услуг (для населения и производства), что связано с ориентацией образования не на нужды производства, а на спрос населения [5]. Переизбыток специалистов с определенным профилем приводит к тому, что полученное образование не всегда находит свое выражение в дальнейшей трудовой деятельности. По данным статистики, среди выпускников 2010–2012 гг. отсутствие связи работы с полученным образованием по разным специальностям составляло от 5 до 55% (среди имеющих высшее профессиональное образование) и от 12 до 72% (для получивших среднее профессиональное образование) [6, с. 87]. Существует и противоположная точка зрения на данное обстоятельство, доказывающая, что представление о необходимости соответствия структуры выпуска специалистов структуре спроса на соответствующие профессии является стереотипом, основанном на упрощенном понимании взаимос-

вязи институтов образования и рынка труда. К таким же стереотипам относится и представление о том, что между получением высшего профессионального образования и намерением работать по специальности обязательно существует прямая связь [7]. В связи с этим многое говорится о девальвации ценности высшего образования, что отражается и в том, что большинство населения оценивает состояние системы образования в целом как посредственное — 48%, хорошим его считают 24% (исследование Аналитического центра Ю. Левады 2011 г. среди всего населения РФ) [8, с. 85], хотя среди молодежи в основном наблюдается удовлетворенность полученным образованием; по данным Европейского социального исследования (пятая волна, 2010 г.), российские респонденты оценили свою удовлетворенность системой образования в 4,27 балла (шкала от 0 до 10) [9].

Указанные проблемы не исчерпывают весь спектр вопросов, характерных для системы образования, так как в результате взаимосвязи явлений и процессов общественной жизни они оказываются сопряжены с другими проблемами, такими, как безработица, невысокий уровень и качество жизни, изменение структуры социально-профессиональной стратификации и т.д. В результате можно говорить о том, что существуют трудности в становлении образования как основы достижения устойчивого развития.

Рассмотрение образования в свете перехода к устойчивому развитию включает и такой аспект, переориентация его содержания на устойчивое развитие. Согласно Стратегии Европейской экономической комиссии ООН образование в интересах устойчивого развития ориентируется на переход «от простой передачи знаний и навыков, необходимых для существования в современном обществе, к готовности действовать и жить в быстро-

меняющихся условиях, участвовать в планировании социального развития, учиться предвидеть последствия предпринимаемых действий, в том числе и возможные последствия в сфере устойчивости природных экосистем и социальных структур» [10, с. 1]. Фактически речь идет о повышении, в результате переориентации обучения, уровня социальной активности, понимаемой в широком смысле как осознанное деятельное участие во всем многообразии социальной деятельности, повышение индивидуальной ответственности за выстраивание собственной жизненной траектории. В свете указанных выше негативных тенденций, характеризующих ослабление функциональной связи между системой образования и рынком труда, пролонгированное планирование своей жизнедеятельности затруднено в силу объективных и субъективных причин, что обуславливает ситуативность проявления активности, преобладание ее адаптивной, а не созидательной направленности. В целом исследователи отмечают и объективные трудности, связанные с внедрением новых компонентов в учебный процесс, и уже существующие предпосылки к ускорению становления образования в интересах устойчивого развития, совпадающего в своем содержании с вектором развития современного образования.

Рассмотренные аспекты взаимосвязи образования и устойчивого развития — роль образования как фактора устойчивости, состояние и тенденции развития системы образования, а также развитие образования в интересах устойчивого развития не исчерпывают все существующие взаимосвязи данных явлений, но позволяют дать комплексную характеристику данного взаимодействия на различных уровнях в совокупности с социальными, экономическими, культурными, экологическими и другими условиями.

Литература:

1. Гаврикова, А.В. Демографические процессы Республики Башкортостан в контексте проблемы устойчивости территориальных образований. Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.science-education.ru/125-19833>.
2. Рекомендации Конференции европейских статистиков для измерения устойчивого развития. 2014. 242 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.unece.org/fileadmin/DAM/stats/publications/2015/ECE_CES_31_Rus.pdf.
3. Радаев, В.В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // В.В. Радаев // Общественные науки и современность. 2003. № 2. с. 5–16.
4. Дакарские рамки действий. Образование для всех. ЮНЕСКО. 2000. 78 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://unesdoc.unesco.org/images/0012/001211/121147R.pdf>
5. Латова, Н.В., Латов Ю.В. Структурно-профессиональные диспропорции в современной России // Terra ecomomicus. 2014. Т. 12. № 3. с. 131–151.
6. Экономическая активность населения России (по результатам выборочных обследований). 2014: Стат. сб./Росстат. М. 2014. 143 с.
7. Московская, А.А. Должно ли высшее образование соответствовать спросу на рынке труда? // Высшее образование в России. 2015. № 10. с. 75–84.
8. Общественное мнение — 2011. М.: Левада-Центр, 2012. 284 с.
9. Щудло, С.А., Длугош П. Удовлетворенность системой образования: Польша, Россия и Украина (сравнительный анализ) [Электронный ресурс] // Информационно-гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение».

2013. № 1. Режим доступа: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2013/1/Shchudlo_Dlugosz_Satisfaction-with-Educational-System/

10. Национальная стратегия образования для устойчивого развития в Российской Федерации. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.unec.org/fileadmin/DAM/env/esd/Implementation/NAP/RussianFederationNS.r.pdf>

Возобновляемые источники энергии как фактор развития энергетической системы Республики Башкортостан

Каширина Екатерина Сергеевна, аспирант
Институт социально-экономических исследований УНЦ РАН (г. Уфа)

На сегодняшний день в энергосистеме (ЭС) Республики Башкортостан существует ряд проблем, в числе которых можно выделить ключевые: растущий энергодефицит, энергозависимость от соседних ЭС, низкая степень энергетической безопасности. Преодолеть указанные трудности представляется возможным путем внедрения и эксплуатации электростанций, функционирующих на базе возобновляемых источников энергии (ВИЭ).

Ключевые слова: энергетическая система Республики Башкортостан, возобновляемые источники энергии, модель Лотки-Вольтерра.

По итогам 2014 г. доля топливно-энергетического комплекса (ТЭК) России в ВВП страны составила 29%, в налоговых поступлениях — 52%, в экспорте — 70%, что определяет ведущую роль ТЭК в российской экономике. Важнейшей отраслью не только ТЭК, но и всего народного хозяйства является электроэнергетическая, ограниченные возможности которой (нехватка электрических мощностей, топливных ресурсов и др.) замедляют темпы экономического роста. Именно поэтому энергетическая безопасность является важнейшей составляющей национальной безопасности любого государства.

В последние несколько десятилетий многие страны повышают степень своей энергобезопасности с помощью внедрения и использования возобновляемых источников энергии, которые наряду с передовыми технологиями составляют ядро нового технологического уклада. В Российской Федерации (РФ) ВИЭ долгое время не уделялось должного внимания в связи с обеспеченностью собственными запасами топливных ресурсов и высокой стоимостью электроэнергии, производимой на базе возобновляемых источников. Однако запасы природных ресурсов не безграничны, а поиск и разработка новых месторождений требует внушительных затрат. К тому же с развитием технологий себестоимость электричества на базе ВИЭ снижается и становится все более конкурентоспособной.

Наряду с очевидными преимуществами, такими как экологичность и неисчерпаемость, возобновляемая

энергетика обладает следующими достоинствами: возможность получение энергии в труднодоступных местах проживания населения; возможность использования земель, непригодных для хозяйственных целей; возможность одновременного использования земель для хозяйственных и энергетических целей. Кроме того практическое освоение ВИЭ способствует развитию малого и среднего бизнеса и созданию новых рабочих мест. Таким образом, можно утверждать, что широкие возможности применение ВИЭ помогут добиться цели указанной в «Энергетической стратегии России на период до 2030 г.», утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 ноября 2009 г. № 1715-р — максимально эффективно использовать природные ресурсы и потенциал энергетического сектора.

Также итоги 2014 г. подтвердили предположения специалистов о возможном энергодефиците в России: потребление электроэнергии (1064956,1 млн. кВт*ч) превысило суммарное производство (1064207,3 млн. кВт*ч). По данным исследования РИА, проведенного в 2012 г., из 71 региона РФ (ряд частично или полностью изолированных от единой энергосистемы (ЕЭС) регионов не рассматривался) дефицит электроэнергии собственного производства испытывали 49 [1]. Поскольку различные регионы обладают разными географическими и климатическими условиями, возникает задача их исследования на возможность внедрения и использования возобновляемой энергетики.

Так, например, в число энергодефицитных регионов РФ входит Республика Башкортостан (РБ). За последние 20 лет эффективность функционирования и темпы развития электроэнергетики РБ существенно снизились. Выработка электроэнергии на территории Башкортостана имеет общую тенденцию к уменьшению за счет сокращения мощностей и снижения КПД изношенного оборудования, в то время как энергопотребление растет. Наличие энергодефицита в республике покрывается за счет перетока электроэнергии из соседних энергосистем (Челябинской ЭС, Оренбургской ЭС, ОЭС Средней Волги), что свидетельствует об энергозависимости региона и снижает привлекательность Башкортостана для инвесторов, планирующих строительство энергоемких производств. В то время как именно промышленность (добыча полезных ископаемых, обрабатывающие производства) является основным потребителем электроэнергии в Республике Башкортостан.

Степень энергетической безопасности Республики на сегодняшний день также сильно ограничена, поскольку топливный баланс электростанций на 98% зависит от природного газа, поставляемого в основном из-за пределов рассматриваемого субъекта [2].

Согласно «Схеме и программе развития Единой энергетической системы России на 2014–2020 годы», утвержденной приказом Минэнерго России от 01.08.2014 № 495, спрос на электрическую энергию по ЭС РБ будет продолжать расти: по базовому варианту средний годовой прирост спроса за 2014–2020 гг. составит 1,02%, а по умеренно-оптимистическому — 1,48%. При этом самостоятельно удовлетворить свои потребности в электроэнергии ЭС Республики Башкортостан не сможет (рис. 1).

Частично изменить сложившееся положение дел в энергосистеме республики представляется возможным с помощью строительства и ввода в эксплуатацию электростанций, функционирующих на базе возобновляемых источников энергии.

К ВИЭ, которые определяются специалистами как наиболее перспективные на территории РБ, относятся: энергия малых рек и водохранилищ, ветра, солнца и биогаз. На сегодняшний день на территории Республики Башкортостан уже функционируют следующие объекты электрогенерации, относящиеся к ВИЭ: «Нугушская» ГЭС (11,25 МВт), восемь микроГЭС (1,795 МВт), ВЭС «Тюпкильды» (2,2 МВт). Но это лишь ничтожная часть имеющихся в республике возможностей использования возобновляемой энергетики.

Потенциальные энергетические ресурсы рек Башкортостана оцениваются в объеме 7–11 млрд. кВт*ч. [3]. На данный момент в РБ проводятся следующие мероприятия по развитию гидроэнергетического комплекса [4]: совместно с РусГидро ведется работа по проекту строительства Нижне-Суянской ГЭС; с марта 2015 г. министерство промышленности и инновационной политики республики начало реализацию проектов строительства новых объектов, в результате совместно с инженеринговой компанией «Норд Гидро» рассматривается 36 наиболее перспективных гидротехнических сооружений для малых ГЭС.

Из расчетов специалистов, приведенных в «Схеме и программе развития электроэнергетики Республики Башкортостан на 2012–2017 гг.», следует, что на территории республики в приземном слое высотой 50 м технически возможно строительство более 500 ВЭС суммарной мощностью 3400 МВт при выработке электроэнергии 6 миллиардов кВт энергии в год.

Согласно расчетам ФГБУ РЭА Минэнерго РФ потенциал различных видов биосырья в РБ составляет: лесная биомасса — 5 млн. т. у. т.; отходы деревопереработки — 158 тыс. т. у. т./год; отходы АПК и ЖКХ общие — 3898,3 тыс. т. у. т./год; торф (промышленный фонд) — 25,48 млн. т. у. т. Однако, не смотря на большое количество имеющихся в Республике биоресурсов, их использование

Умеренно-оптимистический вариант развития

Базовый вариант развития

Рис. 1. Динамика производства и потребления электроэнергии на территории РБ в период 2005–2020 гг.

до 2020 г. не рассматривается, также как и строительство новых объектов ветроэлектростанций.

Наиболее перспективным направлением использования ВИЭ в Башкортостане является солнечная энергетика. Южные районы Республики позволяют добиться высоких показателей удельной выработки электроэнергии СЭС на уровне 1250 кВт*ч с каждого кВт установленной мощности в год, что сопоставимо с показателями Центральной и Южной Европы, где солнечная энергетика уже получила широкое распространение. В ближайшие 5 лет в Республике Башкортостан планируется ввести в строй семь солнечных электростанций суммарной мощностью 59 МВт.

Очевидно, что полностью отказаться от традиционных источников в пользу возобновляемых на сегодняшний день невозможно, поэтому возникает проблема определения оптимального соотношения использования возобновляемых и традиционных источников энергии. Для решения поставленной задачи в работе [5] предложена модель, отражающая соотношение ВИЭ и ТИЭ в энергетической системе региона:

$$\begin{cases} \frac{dx}{dt} = ax - mxy, \\ \frac{dy}{dt} = kmxy - cy, \end{cases}$$

где x и y — производство электроэнергии на основе использования ВИЭ и ТИЭ, соответственно. Коэффициенты a и c представляют собой два интегральных параметра, аккумулирующих различные технологические, экономические, политические и др. факторы, влияющие на состояние энергосистемы. Коэффициент рождаемости a включает в себя возможности развития и роста (инвестиции, государственные льготы для производителей и т.д.), а коэффициент смертности c — ограничения (ресурсы, технологические возможности и т.д.). Слагаемые, пропорциональные произведению xy , отражают приращения производства электроэнергии от взаимодействия двух видов источников. Учитывая, что производство электроэнергии на основе ТИЭ является менее затратным, можно предполагать, что потребитель, имея возможность выбора, предпочтет электроэнергию на основе ТИЭ, что отрицательно скажется на приращении переменной x , и наоборот, положительно — на приращении переменной y . При этом все объемы потребления, которые «теряют» производители электроэнергии на базе ВИЭ, очевидно, должны быть обеспечены электроэнергией на базе ТИЭ. Это позволяет принять параметр k равным 1. Целью

решения является нахождение аттракторов — устойчивых положений равновесия, к которым стремятся фазовые траектории системы, попав в их область притяжения. На основании системы (1) могут быть определены две точки равновесия: первая — $x = 0, y = 0$; вторая — $x = \frac{a}{m}, y = \frac{c}{m}$.

Непосредственные расчеты, проведенные по статистическим данным России и РБ [6, 7], показали, что модель (1) позволяет: определять текущее состояние энергетической системы; прогнозировать поведение энергосистемы с учетом различных начальных условий; определить наиболее эффективные варианты использования традиционных и альтернативных источников энергии.

Полученные результаты продемонстрировали, что «биологический» недостаток системы Лотки-Вольтерра (заключающийся в том, что в модели не учитываются такие принципиальные свойства взаимодействия популяций, как эффект насыщения, ограниченность ресурсов и т.д.) справедлив и в случае применения модели к исследованию энергетической системы. Поскольку при прогнозировании поведения энергосистемы не берутся во внимание ограниченные мощности, объемы возможных инвестиций и т.д., с увеличением доли «возобновляемой» электроэнергии в общем объеме производства наблюдается не только полное решение проблемы энергодефицита, но и значительный рост профицита производства электроэнергии.

Тем не менее, несмотря на указанный недочет, можно утверждать, что увеличение доли электроэнергии на базе ВИЭ даже в 10 раз в общем объеме электрогенерации Республики Башкортостан способно перевести энергосистему в качественно новое положение. При этом происходит уменьшение минимального значения выработки электроэнергии на базе ТИЭ, что в свою очередь определяет уменьшение степени зависимости Республики от традиционных источников.

Как следует из «Схемы и программы развития Единой энергетической системы России на 2014–2020 годы» к 2020 г. доля электроэнергии на базе ВИЭ в Республике Башкортостан не превысит 0,95% по умеренно-оптимистическому и 1,25% по базовому вариантам развития. Проведенные исследования показали, что такие значения долей производства электроэнергии на базе возобновляемых источников являются недостаточными для серьезных изменений в энергосистеме региона, решения проблемы ограниченной энергонезависимости, а также повышения степени энергобезопасности республики.

Литература:

1. Самые энергодефицитные регионы России — 2012 // ООО «Рейтинговое агентство «РИА Рейтинг». URL: http://riarating.ru/regions_rankings/20130306/610544354.html (дата обращения: 09.09.2015).
2. Схема и программа развития электроэнергетики Республики Башкортостан на 2012–2017 гг. // Официальный сайт Министерства промышленности РБ. URL: http://www.minpromrb.ru/Electric_Power/scheme_and_program/ (дата обращения: 09.09.2015)

3. Абдрахманов, Р. Ф., Лемешев А. И., Абдрахманов Р. Р. Гидроэнергетика малых рек Башкортостана // Вестник АН РБ. — 2003. — Т. 8, № 3. — с. 65–71.
4. Ахияров, И. Позеленеет ли энергетика? // Республиканская общественно-политическая газета Республика Башкортостан. URL: <http://resbash.ru/stat/2/6681> (дата обращения: 26.09.2015).
5. Гайнанов, Д. А., Кантор О. Г., Каширина Е. С. Синергетическое моделирование параметров энергетической системы Российской Федерации // Экономика региона. — 2015. — № 4. — с. 357–369.
6. Гайнанов, Д. А., Кантор О. Г., Каширина Е. С. Применение синергетического подхода к моделированию энергетической системы России // Международна научна школа Парадигма. Лято — 2015. Сборник научни стати в 8 тома. Т. 3: Теоретична и приложна икономика. — Варна: ЦНИИ Парадигма, 2015. — с. 116–121.
7. Гайнанов, Д. А., Кантор О. Г., Каширина Е. С. Моделирование соотношения использования традиционных и возобновляемых источников энергии в энергетической системе Республики Башкортостан // Управление экономикой: методы, модели, технологии: материалы XV Международной научной конференции. В 2 т. Т. 2. — Уфа: Уфимск. гос. авиац. техн. ун-т, 2015. — с. 137–140.

Оценка состояния научно-исследовательского кадрового потенциала: зарубежный опыт

Кобзева Анна Юрьевна, аспирант
Институт социально-экономических исследований УНЦ РАН

В данной статье рассматривается оценка состояния научно-исследовательского кадрового потенциала, как базовой составляющей кадрового потенциала инновационной сферы. Проанализирован зарубежный опыт, позволяющий дать рекомендации для развития научно-исследовательского кадрового потенциала в России и ее регионах. Доказана высокая степень влияния уровня инновационного развития на человеческие таланты и наоборот, что подтверждает актуальность и необходимость разработки мер активизации кадрового потенциала инновационной сферы.

Ключевые слова: наука, исследователи, научно-исследовательский потенциал, развитие экономики, ресурсы развития инновационной экономики.

На сегодняшний день, для поддержания конкурентоспособности России среди других стран необходимо уделять большое внимание становлению инновационной экономики. Понятие инновационная экономика предполагает такой тип экономики, который основан на потоке инноваций и нововведений, на производстве высокотехнологичной продукции с высокой добавочной стоимостью. Многие ученые, такие как Э. Тоффлер, Д. Белл, Дж. Нейсбитт, Ф. Фукуяма, Й. Шумпетер, С. Ю. Глазьев, Р. С. Гринберг, М. А. Гусаков, М. В. Ершов, В. В. Иванов, В. В. Ивантер, В. Ж. Келле, П. А. Минакер, В. Л. Макаров, Д. А. Митяев, А. Д. Некипелов, В. В. Окрепилов, Ю. А. Петров, В. Е. Рохчин, А. И. Татаркин, Г. Г. Фетисов, К. Фримен, что преимущество страны зависит от уровня ее инновационного развития [5, 6, 9].

Общий интегрирующий показатель, характеризующий совокупность комплексных производств страны, имеющих единый технический уровень — это технологический уклад, который описан Н. Д. Кондратьевым и используется уже более 80 лет. Сейчас в развитых странах мира, таких как США, Японии и КНР производство нацелено на развитие и применение наукоёмких технологий, например, в США доля производительных сил четвертого

технологического уклада составляет всего 20%, пятого — 60% и уже 5% приходится на шестой уклад [8].

России, для выхода из затянувшегося кризиса, необходимо выстраивать такую систему управления, которая будет развивать инновационную экономику, обеспеченную эффективным трансфером научных результатов в производство, создавая его рост и выпуск инновационной продукции (рис. 1).

Одним из ключевых ресурсов развития инновационной экономики является кадровый потенциал инновационной сферы, в том числе научно-исследовательский кадровый потенциал, обеспечивающий выполнение фундаментальных и прикладных исследований в приоритетных направлениях экономики региона. Для нахождения пути развития кадрового потенциала инновационной сферы необходимо произвести анализ зарубежных стран.

В США и странах ЕС наблюдается устойчивый рост: число исследователей в США выросло на 29% и на 55% в ЕС в период между 2000–2013 г. Исключения в общей мировой тенденции видны у Японии, которая испытала незначительные изменения, и Россия, у которой наблюдается значительный спад.

Рис. 1. Этапы развития инновационной экономики

ОЭСР также оценивает долю исследователей в составе экономически активного населения в разных регионах. В Скандинавских странах (Дания, Финляндия, Норвегия, Швеция) 1–2% от экономически активного населения составляют исследователи. В странах Восточной Азии (Сингапур, Тайвань) около 1%, в Южной Корее данный показатель равен 1,3%, в Японии — 1,0%, в США — 0,9%, в Соединенном Королевстве — 0,9%, в Китае — 0,2%. Кроме того, Китай и Южная Корея показали непрерывное увеличение данного показателя (рис. 2).

ОЭСР также предоставляет данные о таком показателе как количество расходов на одного исследователя, который является достаточно важным при оценке национальных ресурсов, выделяемых на развитие науки и техники. По самым последним оценкам, США, Германия и Австрия имеют самый высокие расходы на одного исследователя. Япония, Южная Корея, и Китай показывают

относительно одинаковое значение данного показателя. Другие страны с большим числом исследователей, таких как Канада, Великобритания, Испания и, в особенности, Россия тратят гораздо меньше средств на одного исследователя (рис. 3).

Конкурентоспособность и устойчивость определяется интенсивными инновациями и вкладом человеческих способностей и компетенций в них. Инновационное развитие определяется уровнем талантов [2, 5] (рис. 5).

Исходя из проведенного анализа, можно выделить основные проблемы, существующие в России, которые препятствуют становлению инновационной экономики:

- сокращение доли исследователей в 1,5 раза с 2000 года (в 2 раза меньше чем в США);
- низкий уровень инновационного развития и человеческих талантов;

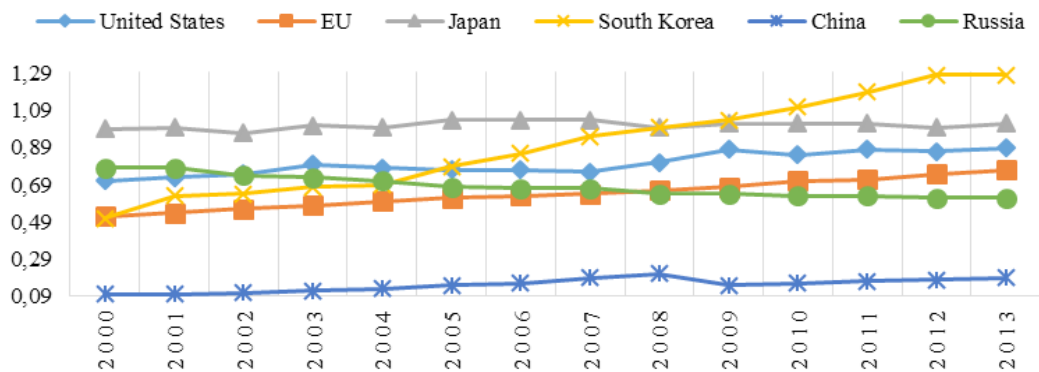

Рис. 2. Доля исследователей от общего числа занятых в регионах/странах за 2000–2013 гг., %

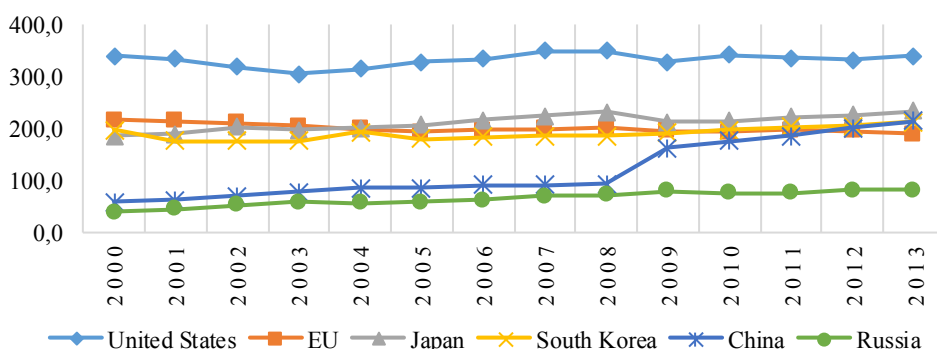

Рис. 3. Расходы на одного исследователя в отдельных регионах/странах за 2000–2013 гг., тыс. дол. в ценах 2010 г.

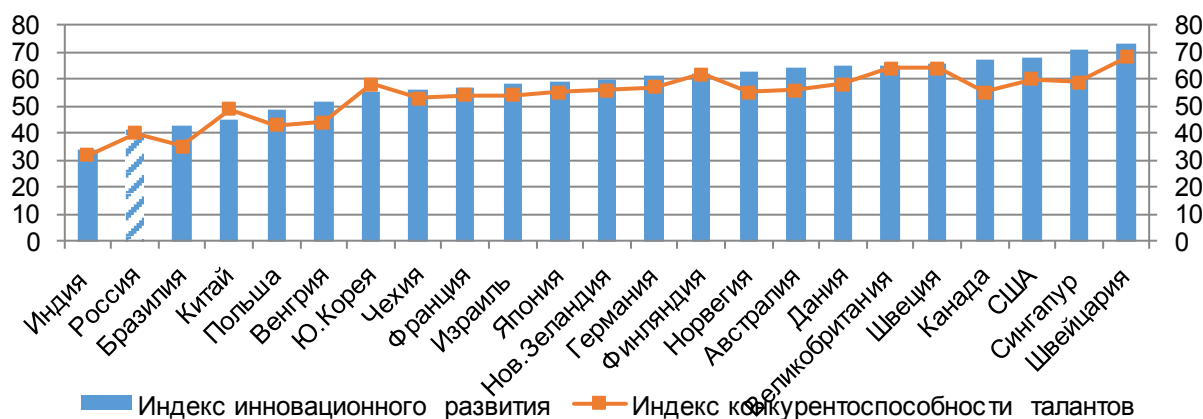

Рис. 4. Уровень инновационного развития и человеческих талантов в странах в 2013 году

— последнее место по расходам на одного исследователя (в 4 раза меньше, чем в США).

Чтобы решить данные проблемы необходима эффективная государственная инновационная политика, целью которой является создание организационных, экономических и правовых условий для развития инновационной деятельности [7].

В национальных стратегиях ведущих стран мира определены соответствующие современным требованиям направления и механизмы повышения устойчивости и конкурентоспособности, к ним относятся:

- наращивание интеллектуального потенциала;
- повышение уровня человеческого развития;
- развитие инфраструктуры, институциональной и экономической конкурентной среды;

— восприимчивость бизнеса и технологическая готовность к инновациям;

— правильные мотивационные и компенсационные механизмы.

Реализация таких условий способствует предпринимательской активности, формирует подходящую инновационную среду внутри регионов и всей страны в целом [1, 3]. Взаимное влияние инновационной среды и человеческих навыков, способностей, талантов и компетенций создает необходимый симбиоз условий и факторов развития инновационной экономики.

Для определения наиболее эффективной модели государственного регулирования инновационной деятельности рассмотрим основы государственной политики в данной сфере в развитых зарубежных странах (табл. 1)

Таблица 1. Государственная инновационная политика зарубежных стран

Страны	Плюсы	Минусы
Европейский союз	Поощрение малого наукоемкого бизнеса; Единое антимонопольное законодательство; Льготное налогообложение НИОКР; Прямое финансирование предприятий; Кооперация университетской науки и предприятий.	Отсутствие разграничения между научной деятельностью, научно-технической деятельностью и инновационной деятельностью.
США	Тесное взаимодействие государства и частного бизнеса; Значительный удельный вес смешанных, финансируемых за счет государственных и частных источников, организаций; Льготное налогообложение инновационной деятельности; Бесплатная выдача лицензий на коммерческое использование изобретений; Создание разветвленной сети венчурных фондов.	Тяжелая процедура признания прав собственности на изобретение
Япония	Финансирование частных компаний, занимающихся НИОКР, с последующим или одновременным предоставлением государственного госзаказа; Льготное кредитование перспективных НИОКР; Защита японского производителя от конкуренции; Создание условий для получения новых технологий из других стран.	Государственные научные исследования носят преимущественно фундаментальный характер, степень их внедрения в практику недостаточен; Не гарантируется прибыль компаниям рынков сбыта новой продукции.

Опыт представленных развитых и стремительно развивающихся территорий в сфере активизации инновационной деятельности свидетельствует о необходимости ее стимулирования во всех видах экономической деятельности России, для ускоренного экономического развития. Изучение и внедрение лучшего международного опыта в практику российской инновационной политики, поможет стране выйти на новый уровень экономического развития.

Таким образом, актуальным на сегодняшний день для России является эффективное формирование и ис-

пользование кадрового потенциала инновационной сферы, который будет способствовать трансферу научных результатов в экономику. Необходимо, на основе зарубежного опыта и с учетом российской действительности, создать эффективный механизм государственного регулирования кадровым потенциалом инновационной сферы, который будет включать в себя оценку текущего состояния научно-исследовательского кадрового потенциала, прогноз будущей потребности в фундаментальных и прикладных разработках, мероприятия по развитию и использованию научно-исследовательского кадрового потенциала.

Литература:

1. Атаева, А. Г., Орешников, В. В. Проблемы прогнозирования и сценарного моделирования социально-экономического развития территориальных систем [Текст]/А. Г. Атаева, В. В. Орешников // Проблемы прогнозирования и сценарного моделирования социально-экономического развития территориальных систем. Институт экономики УрО РАН. — 2012. — с. 10–33.
2. Гайнанов, Д. А. Модель взаимодействия экономических агентов региональных рынков образовательных услуг и труда и оценка сбалансированности рынков [Текст]/Д. А. Гайнанов, Л. И. Мигранова // The 3rd International Conference Information Technologies for Intelligent Decision Making Support (ITIDS'2015). — USATU, 2015. — P. 199–205.
3. Зиннурова, Г. Р., Орешников В. В. Методические аспекты оценки развития сферы муниципальных услуг [Текст]/Г. Р. Зиннурова, В. В. Орешников // Фундаментальные исследования. — 2015. — № 12–6. — с. 1219–1223.
4. Кондратьев, Н. Д. Проблемы экономической динамики [Текст]/под ред. Л. И. Абалкина и др. — М.: Экономика, 1989. — 567 с.
5. Никонова, А. А. Системность управления как основной императив в переходе к устойчивому развитию [Текст]/А. А. Никонова // Научно-практический журнал «Эффективное антикризисное управление». — № 6 (93). — 2015. — с. 62–75.
6. Печаткин, В. В. Современные проблемы инновационного развития Республики Башкортостан и направления их решения [Текст]/Региональные проблемы преобразования экономики. — № 4. — Махачкала, 2012. — с. 102–106.
7. Уляева, А. Г. Использование функционального анализа в оценке эффективности деятельности органов государственной власти и государственных служащих [Текст]/А. Г. Уляева, А. А. Шабалин // Управление экономикой: методы, модели, технологии: материалы XV Международной научной конференции. В 2 томах. Т. 1. — Уфа, ГОУ ВПО УГАТУ, 2015. — 252 с. — с. 206–209.
8. Чернуха, Д. С. Оценка конкурентоспособности видов экономической деятельности г. Уфы [Текст]/Д. С. Чернуха // Стратегический план экономического развития городского округа город Уфа Республики Башкортостан до 2030 года: монография/Администрация г. Уфы, ИСЭИ УНЦ РАН. — Уфа: ИСЭИ УНЦ РАН, 2015. — с. 24–30.
9. Шумпетер, Й. Теория экономического развития. — М: «Эксмо», 2007. — 864 с.

Параметры внешнеэкономической деятельности г. Уфы

Кузнецова Юлия Александровна, кандидат экономических наук
Институт социально-экономических исследований УНЦ РАН (г. Уфа)

В статье проанализированы ключевые параметры внешнеэкономической деятельности городского округа г. Уфа. Исследовано положение города в части установления международных связей и межмуниципального сотрудничества.

Ключевые слова: внешнеэкономическая деятельность, экспорт, импорт, внешнеторговый оборот, международные связи, межмуниципальное сотрудничество.

Величина внешнеторгового оборота города в 2014 году сократилась по сравнению с 2013 годом на 6,68% и составила 9465,8 млн. долл. США (в 2014 году по сравнению с 2012 годом зафиксировано увеличение показателя на 4,14%). Доля города в общереспубликанском внешнеторговом обороте составляет 64,87%. По состоянию на конец 2014 года по величине внешнеторгового оборота г. Уфа занимает 2-ое место среди городов-миллионников после г. Казань

В 2014 году по сравнению с 2013 годом объем экспорта сократился на 4,7% (возрос в 2014 году по отношению к 2012 году на 8,9%) и составил 9020,7 млн. долл. США; объем импорта также сократился на 34,4% и 45,1% соответственно (в 2014 году объем импорта составил 445,1 млн. долл. США). Тем не менее, по величине экспорта на душу населения город также занимает 2-ое место после г. Казань (таблица 1). Структурно, сокращение объемов экспорта в 2014 году связано со снижением поставок продукции химической промышленности, каучука (на 0,4%) (здесь и далее по отношению к 2013 году), минеральных продуктов

(на 0,2%), а также прекращением поставок продовольственных товаров.

Напротив, увеличение объемов экспорта зафиксировано по следующим видам продукции: металлы и изделия из них (на 0,4%), машиностроительная продукция (на 0,2%), древесина и целлюлозно-бумажные изделия (на 0,2%). Объем импорта по видам продукции в 2014 году сократился за счет снижения поставок химической промышленности, каучука (на 3,7%), древесины и целлюлозно-бумажных изделий (на 0,3%), текстильных изделий (на 0,1%).

Увеличение объемов импорта отмечено по металлам и изделиям из них (на 2,9%), машиностроительной продукции (на 1,3%), продовольственным товарам (на 0,8%), минеральным продуктам (на 0,1%).

Совокупность десяти ключевых стран, в которые экспортируется продукция города, за период 2013–2014 гг. претерпела значимые изменения (рисунок 1).

В 2014 году резко возросла роль Нидерландов в экспорте продукции из г. Уфы (на 11,0%), Италии (на 4,8%), а также Китая (на 1,0%). Кроме того, в десятку ключевых

Таблица 1. Рейтинг городов-миллионников по объемам экспорта и импорта на душу населения, тыс. долл./чел.

Название города	Экспорт			Название города	Импорт		
	2012 г.	2013 г.	2014 г.		2012 г.	2013 г.	2014 г.
Казань	12	12	9,8	Ростов-на-Дону	2,9	2,6	2,6
Уфа	7,7	8,6	8,2	Казань	2,1	2,8	2,4
Самара	3,8	3,6	4,8	Самара	1,3	1,4	1,8
Красноярск	5,2	4,8	4,7	Нижний Новгород	1,9	1,9	1,7
Пермь	5	4,4	4,3	Екатеринбург	1,3	1,2	1,4
Екатеринбург	4,1	3,2	3,4	Челябинск	2,1	2,2	1,2
Ростов-на-Дону	3,3	3,3	3,4	Волгоград	0,9	0,8	1
Нижний Новгород	3	2,8	2,8	Новосибирск	1	1	0,9
Волгоград	2,8	2,9	2,6	Красноярск	1,1	1,1	0,8
Челябинск	3,2	2,9	2,2	Воронеж	0,8	0,8	0,6
Новосибирск	1	0,9	1	Пермь	0,6	0,7	0,6
Воронеж	1,1	1	0,9	Уфа	0,8	0,6	0,4
Омск	0,4	0,5	0,4	Омск	0,3	0,3	0,3

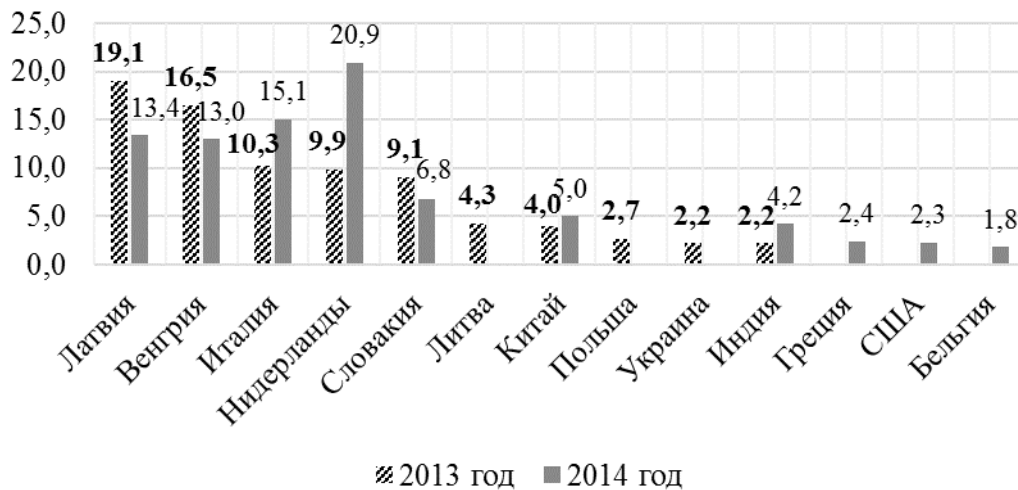

Рис. 1. Структура экспорта г. Уфы по крупнейшим странам, %

чевых стран вошли Греция (доля в структуре экспорта составила 2,4%), США (2,3%), Бельгии (1,8%). При этом г. Уфа «потерял» в числе лидеров таких стран-партнеров, как Литва, Польша, Украина.

Структура импорта в разрезе ключевых стран за 2013–2014 гг. также претерпела значимые изменения (рисунок 2).

В 2014 году отмечен рост импорта продукции из Китая (на 7,9%), Италии (на 5,9%), США (на 3,7%), а также Узбекистана (на 2,1%). В тот же период, сократился импорт из таких стран, как Германия (на 15,8%), Бразилия (на 4,3%), Франция (на 3,2%), Чехия и Турция (по 1,3% соответственно). Однако в 2014 году в число крупнейших стран-поставщиков вошли Индия, Дания, Испания.

В 2014 году количество стран-торговых партнеров г. Уфы сократилось на 9 единиц: с 95 в 2013 году до 86 в 2014 году. Также за период зафиксирована низкая динамика количества заключенных двусторонних договоров и соглашений о сотрудничестве по линии Администрации ГО г. Уфы: 1 в 2010 г., 3 — в 2011 г., по 1 в 2012 и 2013 гг., 2 — в 2014 г.

Говоря о деятельности Администрации ГО г. Уфа в установлении международных и межрегиональных связей, следует отметить его средний уровень. Среди городов-миллионников Уфа входит в число тех, которые имеют низкую активность в установлении международных связей (наряду с городами Ростов-на-Дону, Челябинск). Так, на сегодняшний день, г. Уфа побратима с 3-мя зарубежными городами (Галле (Германия), Анкара (Турция), Ше-

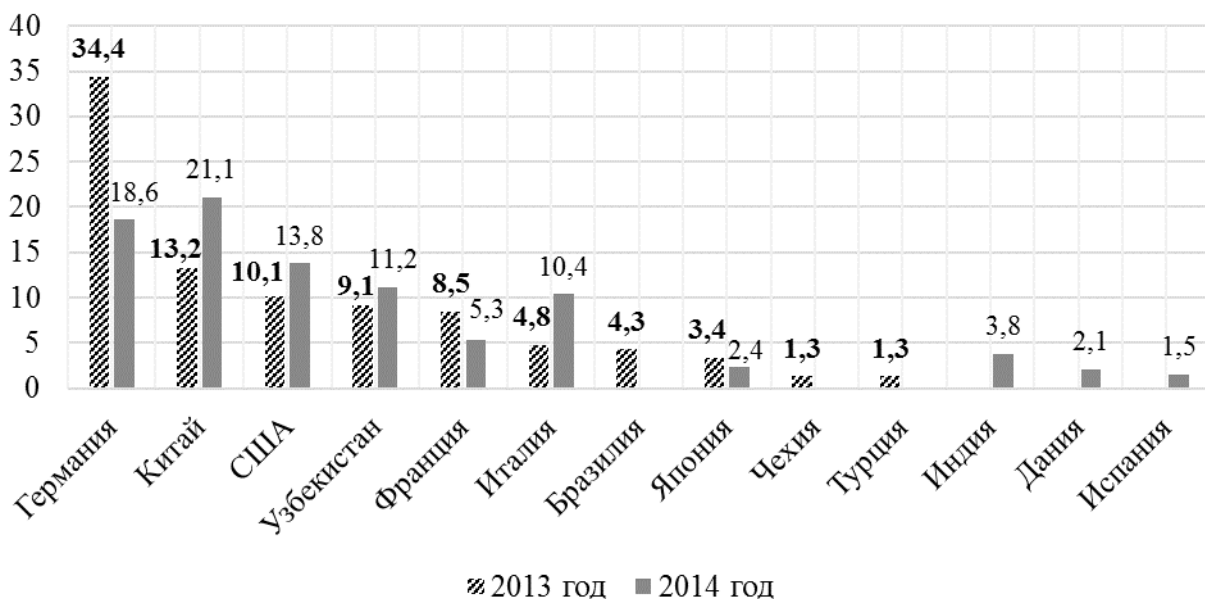

Рис. 2. Структура импорта г. Уфы по крупнейшим странам, %

нья (КНР)), сотрудничает в рамках соглашений о дружбе и сотрудничестве с 7 городами России (Екатеринбург, Казань, Оренбург, Пермь, Челябинск, Якутск) и 7 городами ближнего и дальнего зарубежья (Астана (Казахстан), Кито (Япония), Лейпциг (Германия), Мерсин (Турция), Сухум (Абхазия), Хэфэй (КНР), Цицикар (КНР)). Кроме того, активно развиваются связи с городами Чунцин (КНР), Наньчан (КНР), ведутся работы по установлению связей с городом Чандигарх (Индия) [1]. Выбор городов, с которыми установлены побратимские и партнерские отношения, обусловлен целесообразностью и эффективностью установления и развития двусторонних отношений, ориентируясь на внешнеполитический и внешнеэкономический курс как Республики Башкортостан, так и Российской Федерации в целом. Так, большинство из представленных городов, располагаются в странах-участницах ШОС и БРИКС.

В то же время, например, г. Волгоград побратим с 20-ю зарубежными городами (среди которых, Ковентри (Великобритания), Турин (Италия), Хиросима (Япония), Кельн (Германия), Кливленд (США) и др.), г. Нижний Новгород с 16-ю зарубежными городами, г. Красноярск — 13 (помимо этого, Администрация города сотрудничает с 16-ю зарубежными административными учреждениями и международными организациями), г. Новосибирск — 12, г. Самара — 8, г. Пермь — 5. г. Екатеринбург имеет 32 соглашения о побратимских связях и сотрудничестве и иных международных соглашений). Указанные города имеют сильные и многочисленные связи с городами-партнерами (например, г. Волгоград имеет 21 партнерское отношение, включая города ближнего зарубежья).

В рамках ведения международной и межмуниципальной торговли, доля предприятий города сохраняется.

Общее количество предприятий г. Уфы, занимающихся внешнеэкономической деятельностью и зарегистрированных в городе, в 2013 году составило 376 единиц (0,70% от общего количества предприятий и организаций города). Положительной тенденцией является сохранение доли предприятий города, участвующих в республиканском внешнеторговом обороте — 69,5% как в 2013 г., так и 2014 г.

Тем не менее, зафиксирована низкая информационная представленность города в области внешнеэкономической деятельности, заключающаяся в низком качестве информации (наряду с городами Воронеж, Ростов-на-Дону, Челябинск), представленной на официальном сайте Администрации города <http://ufacity.info/>, включающая только общую статистическую информацию о внешнеэкономической деятельности города, ряд новостей о международных встречах. В то же время, администрация большинства городов-миллионников предоставляет всестороннюю информацию о внешнеэкономической деятельности (таблица 2).

На сегодняшний день в городе функционируют только 4 крупных выставочных центра: Экспо Центр РНТИК «Баштехинформ», ООО «Башкирская выставочная компания», ООО Выставочный комплекс «БашЭКСПО», ООО Коммерческий инновационный центр «Лигас», тогда, как, например, в г. Екатеринбург — 10, г. Красноярск — 8.

Кроме того, количество площадей в городе, полностью пригодных для проведения выставок, в частности, технико-технологической тематики, составляет 1 — ВДНХ Экспо (выставочный зал имеет высокие потолки, грузовые ворота, краны-балки, лифты и прочее). В то же время, для проведения выставок БашЭКСПО арендует площади дворцов культуры (Нефтяник, ГДК), а также Двора Спортa;

Таблица 2. Содержание информации о внешнеэкономической деятельности Администрации городов-миллионников

Название города	Краткое описание информации о ВЭД на официальном сайте Администрации города
Волгоград	События. Города-побратимы (суть отношений). Города-партнеры (суть договора). Международные организации (членство и деятельность). Межрегиональные ассоциации и союзы (членство и деятельность). Участие в международных проектах.
Екатеринбург	Протоколы, соглашения, меморандумы. Международные связи (в том числе, города-партнеры). Международные мероприятия. Официальные визиты и рабочие делегации [2].
Красноярск	Представительство администрации города за рубежом. Контакты с иностранными городами (с перечислением приоритетных стран и отраслевых направлений). Каталог инвестиционных проектов. Межмуниципальное сотрудничество. Выставки и ярмарки за рубежом и в городах-партнерах. Фотогалерея зарубежных партнеров Красноярска.
Нижний Новгород	Города-побратимы. Города-партнеры. Представительства иностранных государств в Нижнем Новгороде. Международные культурно-образовательные центры. «Справочник зарубежного инвестора». Международные семинары, выставки, программы. Межрегиональное сотрудничество. Новости из городов-побратимов. Мероприятия города.
Новосибирск	Города-побратимы Новосибирска (суть соглашений).
Омск	Зарубежные города-партнеры. Российские города-партнеры. Дипломатические представительства. План работы на ближайший год.
Пермь	Города-побратимы.
Самара	Международные связи. Межрегиональные связи.

Лигас — Уфа-Арена, ГДК, Дворце Спорта помещения которых не предусмотрены для проведения подобных выставок. В среднем за год в г. Уфа проводится около 50 выставок с преобладающей тематикой «Фармация, здоровье, красота» (согласно Плана выставочной деятельности, г. Уфа на 2015 год). Другими словами, можно сказать, что г.

Уфа является городом с недостаточно развитой выставочно-ярмарочной деятельностью [3].

Таким образом, при видимых положительных параметрах внешнеэкономической деятельности города, главной негативной стороной остается ее недостаточное информационное обеспечение.

Литература:

1. Гайнанов, Д. А., Уляева А. Г. Межмуниципальное сотрудничество: перспективы эффективного взаимодействия // В сборнике: Инновационные технологии управления социально-экономическим развитием регионов России. Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. В 2-х частях. — 2015. — с. 29–37.
2. Подкопаев, О. А. Интеграция России в международное экономическое сообщество как фактор привлечения иностранных инвестиций // В сборнике: Материалы конференций Сборник статей. под редакцией В. К. Семёнычева. Самара, 2013. — с. 113–118.
3. Шмакова, М. В. Пространственный подход к формированию стратегии социально-экономического развития региона // Стратегия устойчивого развития регионов России. — 2010. — № 2. — с. 27–32.

Теоретические аспекты согласования интересов экономических агентов

Мигранова Лилия Ишмухаматовна, кандидат экономических наук
Институт социально-экономических исследований УНЦ РАН (г. Уфа)

В статье рассматриваются теоретические аспекты согласования интересов экономических агентов социально-экономических систем, приводятся принципы и классификация методов согласования. Раскрыты основные преимущества агент-ориентированного подхода с точки зрения рациональности поведения экономических агентов и уровня согласованности их интересов. Приведена концептуальная агент-ориентированная модель системы «рынок труда — рынок образовательных услуг».

Ключевые слова: экономические агенты, согласование интересов, агент-ориентированный подход, рынок труда, рынок образовательных услуг.

В условиях нестабильной экономической ситуации, снижения темпов роста российской экономики, перспектив сокращения бюджета система управления территориальным развитием должна решать задачи обеспечения сбалансированности интересов экономических субъектов социально-экономической среды рассматриваемой территории. Рассмотрим теоретические аспекты согласования интересов экономических агентов.

Методической основой механизма согласования интересов выступают определенные принципы, к основным из которых можно отнести:

— принцип научности, который подразумевает необходимость системного подхода к анализу, а с другой — комплексности при согласовании интересов, включающей всесторонний подход с точки зрения факторов и сил, действующих в данной сфере;

— принцип компромиссности, в соответствии с которым при сопряжении сил никогда не может быть найдено решение, полностью устраивающее всех. Требуется определенное равновесие и баланс, что ведет к сбли-

жению и сотрудничеству, так и того, что нарушает партнерские отношения;

— принцип структурности, то есть при анализе и согласовании интересов должна быть определена их структура по сферам и функциям, позволяющая определить необходимые методы, а также иерархия интересов по степени важности и уровню рассогласования, дающая возможность определить очередность процедур согласования;

— принцип единства экономических и социальных целей, который предусматривает, что организация процессов, направленных на минимизацию затрат, рост экономического развития территориальной социально-экономической системы должна обеспечивать в то же время создание условий для полноценной деятельности всех агентов;

— принцип эффективности означает, что процедуры анализа и согласования интересов должны быть экономически оправданы, то есть быть выгоднее, например, чем доведение ситуации до стадии конфликта с последующим разрешением методами конфликтологии [8].

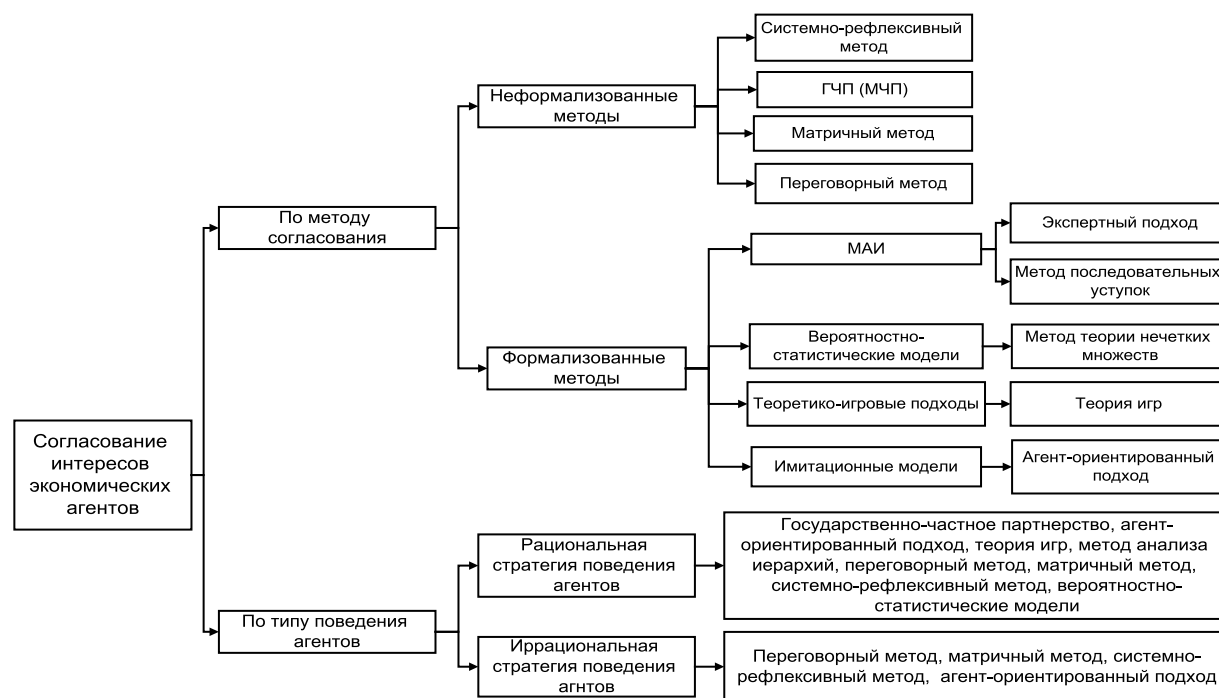

Рис. 1. Классификация способов согласования интересов экономических субъектов региона

В исследовании методы согласования интересов классифицированы:

— по методу согласования: формализованные (метод анализа иерархий, вероятностно-статистические модели, теоретико-игровые подходы, имитационные модели и др.) и неформализованные (матричный метод, государственно-частное партнерство, переговорный метод, системно-рефлексивный метод и др.);

— по типу поведения агентов: рациональная и иррациональная стратегии поведения агентов (рис. 1).

Среди формализованных методов согласования интересов можно выделить следующие недостатки: сложные расчеты, необходимость большого объема информации, обширной статистической базы, сложность построения математических зависимостей и др. Для неформализованных методов присущи такие недостатки как: длительность согласования, невозможность описания большого количества агентов и др.

На рис. 2 представлен универсальный алгоритм согласования интересов экономических агентов, подходящий в качестве объекта управления для любой социально-экономической системы.

Одним из первых этапов является определение потенциала, уровня развития и основных проблем социально-экономической системы, далее осуществляется определение экономических агентов их интересов и ресурсов, приоритетных направлений развития самой системы и взаимодействие агентов между собой и системой в целом. Разработанный алгоритм согласования интересов экономических агентов является инструментом механизма формирования согласованного вектора развития социально-экономической системы. Ключевыми элементами кон-

цепции стратегического управления развитием социально-экономических систем должны являться потребности и интересы экономических агентов, механизм их согласования, инструменты управления и регулирования поведением этих агентов. Это позволяет обеспечить удовлетворение собственных потребностей экономических агентов и всей системы в целом.

Проведенный анализ методов согласования интересов экономических агентов с точки зрения рациональности их поведения и уровня согласованности интересов показал, что в основе механизма согласования интересов экономических агентов должна лежать интеграция формализованных и неформализованных методов согласования, что позволит осуществлять оценку и прогноз достижения как общих, согласованных приоритетов развития системы, так и собственных интересов экономических агентов.

Исследовать эти особенности позволяет методология агент-ориентированного подхода, учитывающая поведенческие характеристики экономических агентов, факторы индивидуального поведения и взаимодействия основных экономических агентов, а также корректирующие и регулирующие меры воздействия на них. Внедрение в модель механизма корректировки стратегии поведения агентов позволяет выстроить линию рационального поведения агентов не только на основании фактора максимизации выигрыша — удовлетворение собственных потребностей, но и с точки зрения эффекта всей системы в целом. Изменение величин входных параметров и их комбинаций позволит получить множество сценариев поведения агентов и развития социально-экономической системы, оценить степень их влияния на формирование согласованного вектора развития системы.

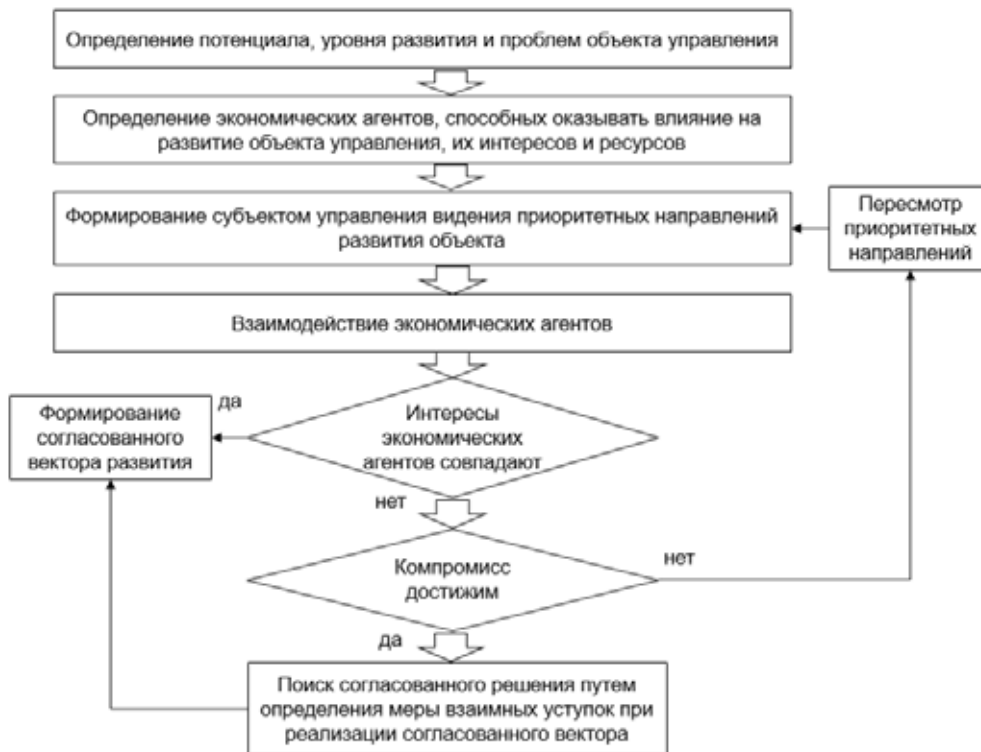

Рис. 2. Алгоритм согласования интересов экономических агентов

Типовая абстрактная агент-ориентированная модель (далее АОМ) состоит из следующих основных элементов [1]: агенты, охватывающие все возможные характеристики неоднородного поведения; их среда, определяющая представления и действия агентов; ме-

ханизмы взаимодействия между агентами, включая прямую и непрямую передачу информации между ними. Такая возможность реализуется при помощи регулирования способности одного агента узнавать о поведении другого.

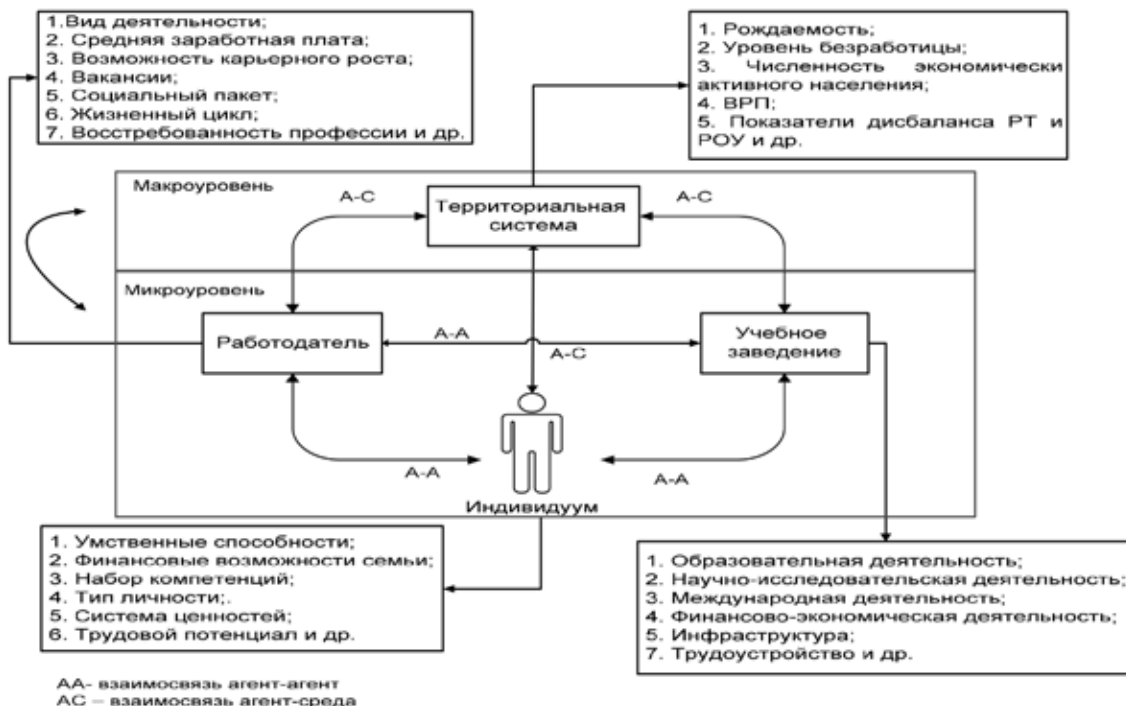

Рис. 3. Концептуальная агент-ориентированная модель системы «рынок труда — рынок образовательных услуг»

Агент-ориентированные модели могут применяться для моделирования регионального развития в целом [4, 6, 7] и отдельных экономических и социальных процессов, например, в области демографии, туризма, межтерриториального взаимодействия регионов и муниципальных образований [2, 3, 5, 9] и др.

На рис. 3 представлена концептуальная модель согласования интересов экономических агентов системы «рынок труда — рынок образовательных услуг». В исследовании система представлена как совокупность агентов (учебные заведения, индивидуумы, работодатели и государство, в лице территориально социально-экономической системы), организационных, экономических и социальных отношений и связей между ними, направленных на обеспечение перспективных кадровых потребностей региона.

На основе предложенной концептуальной модели в среде агент-ориентированного моделирования реализован программный комплекс, который позволил определить прогнозную численность и структуру выпускников профессиональных образовательных организаций Республики Башкортостан по группам направлений и специальностей до 2020 года.

Агент-ориентированная модель, являясь абсолютно гибкой и учитывая поведенческие особенности во взаимодействии децентрализованных агентов социально-экономической системы, позволяет реализовать множество экспериментов, строить сценарии и оценить перспективные направления развития системы по различным параметрам и регулировать разного рода дисбалансы за счет выработки компенсаторов иррационального поведения агентов.

Литература:

1. Абрамов, В. Агент-ориентированное моделирование и имитационное моделирование: перспективы в области информационных технологий [Электронный ресурс]/В. Абрамов // Лаборатория искусственных обществ [Официальный сайт]. Режим доступа: <http://www.artsoc.ru/digest/agent-oriented-models/index.php?ID=181>.
2. Атаева, А. Г. Отдельные аспекты предоставления и финансирования муниципальных услуг для удовлетворения базовых потребностей экономических агентов муниципального образования [Текст]/А. Г. Атаева, Г. Р. Зиннурова // Аудит и финансовый анализ. — 2012. — № 2. — с. 274–278.
3. Атаева, А. Г. Базисные факторы формирования трудового потенциала региона в условиях усиления межмуниципальных связей городских агломераций [Текст]/А. Г. Атаева, А. Ю. Кобзева // Фундаментальные исследования. — 2015. — № 11–6. — с. 1184–1189.
4. Гайнанов, Д. А. Концепция агент-ориентированной модели регионального развития [Текст]/Д. А. Гайнанов, Е. А. Гафарова // The 3rd International Conference «Information Technologies for Intelligent Decision Making Support» (ITIDS'2015). Volume 2. — Ufa: USATU, 2015. — P. 180–183.
5. Гайнанов, Д. А. Межмуниципальное сотрудничество: перспективы эффективного взаимодействия [Текст]/Д. А. Гайнанов, А. Г. Уляева // Инновационные технологии управления социально-экономическим развитием регионов России: Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. В 2-х частях. Часть I. — Уфа: ИСЭИ УНЦ РАН, 2015. — 334 с. — с. 29–37.
6. Орешников, В. В. Применение имитационных моделей в управлении социально-экономическими системами регионального уровня [Текст]/В. В. Орешников, А. Г. Атаева // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. — 2015. — № 11 (83). — с. 29.
7. Орешников, В. В. Формализация адаптивного взаимодействия экономических агентов в рамках территориальной имитационной модели [Текст]/В. В. Орешников, М. М. Низамутдинов // Проблемы функционирования и развития территориальных социально-экономических систем: Материалы VII Всероссийской научно-практической интернет-конференции. — Уфа: ИСЭИ УНЦ РАН. — 2013. — с. 103–106.
8. Селин, И. В. Методология согласования интересов в процессе управления корпорированным промышленным предприятием [Текст]/И. В. Селин: автореф. дис. док. экон. наук. Мурм. гос. техн. ун-т. — Мурманск, 2010. — 45 с.
9. Чернуха, Д. С. Инновации и региональный туризм на примере Республики Башкортостан [Текст]/Д. С. Чернуха // Проблемы функционирования и развития территориальных социально-экономических систем: Материалы IX Всероссийской научно-практической интернет-конференции. — Уфа: ИСЭИ УНЦ РАН, 2015 — с. 255–258.

Информационно-логическая схема управления поведением агента «Человек»

Орешников Владимир Владимирович, кандидат экономических наук
Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра Российской академии наук (г. Уфа)

В статье затрагиваются вопросы управления поведением экономического агента «Человек» и предлагается соответствующая информационно-логическая схема. Предложено рассматривать поведение данного агента как реакцию на определенный класс ситуации, а управление поведением — как изменение класса ситуации и целевых установок экономического агента.

Ключевые слова: регион, население, экономический агент, управление поведением.

Региональная социально-экономическая система включает множество элементов, важнейшим из которых является население. Исследователями отмечается, что человек становится «высшей целью и главным критерием качества экономического роста» [9]. Как агент предложения население выступает в роли продавца на рынке ресурсов, получая денежные доходы, необходимые для потребления товаров и услуг. Одновременно с этим, являясь агентом спроса, население формирует конечный спрос на рынке товаров, работ и услуг. От состояния населения, которое в рамках экономико-математических моделей описывается экономическим агентом «Человек», зависит состояние всей региональной системы. Анализ ретроспективных данных, текущего состояния и тенденций изменения характеристик как самого агента, так и параметров среды, оказывающих на него воздействие, свидетельствуют о том, что положение населения в Российской Федерации в последние годы ухудшилось [3]. Это обуславливается множеством факторов, как экономического (введение ЕС и США секторальных и финансовых санкций против России, девальвация рубля, глубокая рецессия в 2015 г. [2], снижение реальных доходов населения, ситуация на рынке труда, и т.д.), так и не экономического (социальные процессы, изменение половозрастной струк-

туры населения, трансформация ценностных ориентиров общества и т.д.) характера [1]. При анализе и прогнозировании развития данного агента (и социально-экономической системы в целом) следует принимать во внимание, что ряд тенденций носит долговременный характер и практически не может быть скорректирован в значительной степени. В частности, рассматривая демографические показатели Республики Башкортостан следует отметить, что наблюдавшийся до 2008 года рост численности населения региона в трудоспособном возрасте (до 2007 г. среди женщин и до 2010 г. среди мужчин [4]), сменился снижением и на сегодняшний день данный показатель достиг уровня 2003–2004 гг. При сохранении имеющихся тенденций в период с 2016 по 2020 годы ожидается сокращение численности населения в трудоспособном возрасте на 6,1%, рост численности населения в возрасте ниже трудоспособного на 5,8% и в возрасте старше трудоспособного на 11,9% (рис. 1).

Подобные тенденции являются факторами риска для развития всей социально-экономической системы и требуют разработки системы управления поведением экономического агента «Человек». Решение данной задачи требует определения набора характеристик, часть из которых сохраняет постоянные значения, а часть из-

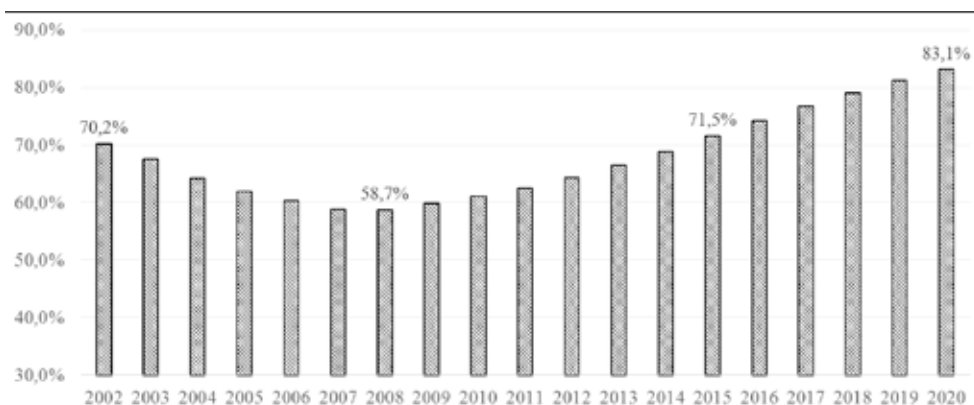

Рис. 1. Прогноз коэффициента демографической нагрузки [8]

меняется в течение жизни отдельного человека. В рамках проводимого исследования можно выделить следующие группы подобных характеристик: демографические, трудовые [5], потребительские, социо-культурные [10], финансовые, территориальные. При этом каждому агенту характерно свое состояние удовлетворенности в зависимости от набора характеристик и вероятностной оценки (личной степени удовлетворенности), которое он стремится максимизировать. Для моделирования функционирования экономического агента «Человек» представляется целесообразным разработать четыре взаимосвязанные модели — модель демографических изменений, модель формирования статуса, модель финансово-экономического поведения и модель социального поведения. По итогам проведенного анализа была разработана информационно-логическая схема взаимосвязи базовых управляющих факторов и результирующих параметров в части финансов экономического агента (ЭА).

Управляющими факторами для экономического агента «Человек» можно определить величину среднемесячной оплаты труда, величину социальных трансфертов населению, ставки налогов, уровень цен, банковские ставки, уровень безопасности и качества среды, доступность и качество предоставляемых социальных услуг [6, 7], престижность рода деятельности, условия труда. В ходе исследования был разработан подход к формированию

системы управления поведением экономического агента «Человек», базирующийся на ряде предпосылок, ключевыми из которых являются ограниченная рациональность поведения экономического агента «Человек» и возможность управления его поведением посредством корректировки параметров внешней среды и воздействия на его целевые установки. Исходя из данных предпосылок, была разработана информационно-логическая схема управления поведением агента, увязывающая управляющие факторы и комплекс результирующих показателей функционирования данного агента, представленная на рисунке 2. При этом функционирование самого экономического агента в данном разрезе описывается в рамках «Блока внутреннего управления поведением ЭА «Человек»», а функционирование управляющей системы описывается в рамках «Блока внешнего управления поведением ЭА «Человек»».

Представленная схема управления поведением экономического агента «Человек» включает следующий алгоритм:

1. Оценка в рамках блока внутреннего управления поведением ЭА «Человек» текущего и целевого состояния агента с учетом влияния внешних параметров и определение класса ситуации;
2. Формирование соответствия классов ситуации и правил поведения, увязанных с комплексом целевых установок и ценностных ориентиров ЭА «Человек»;

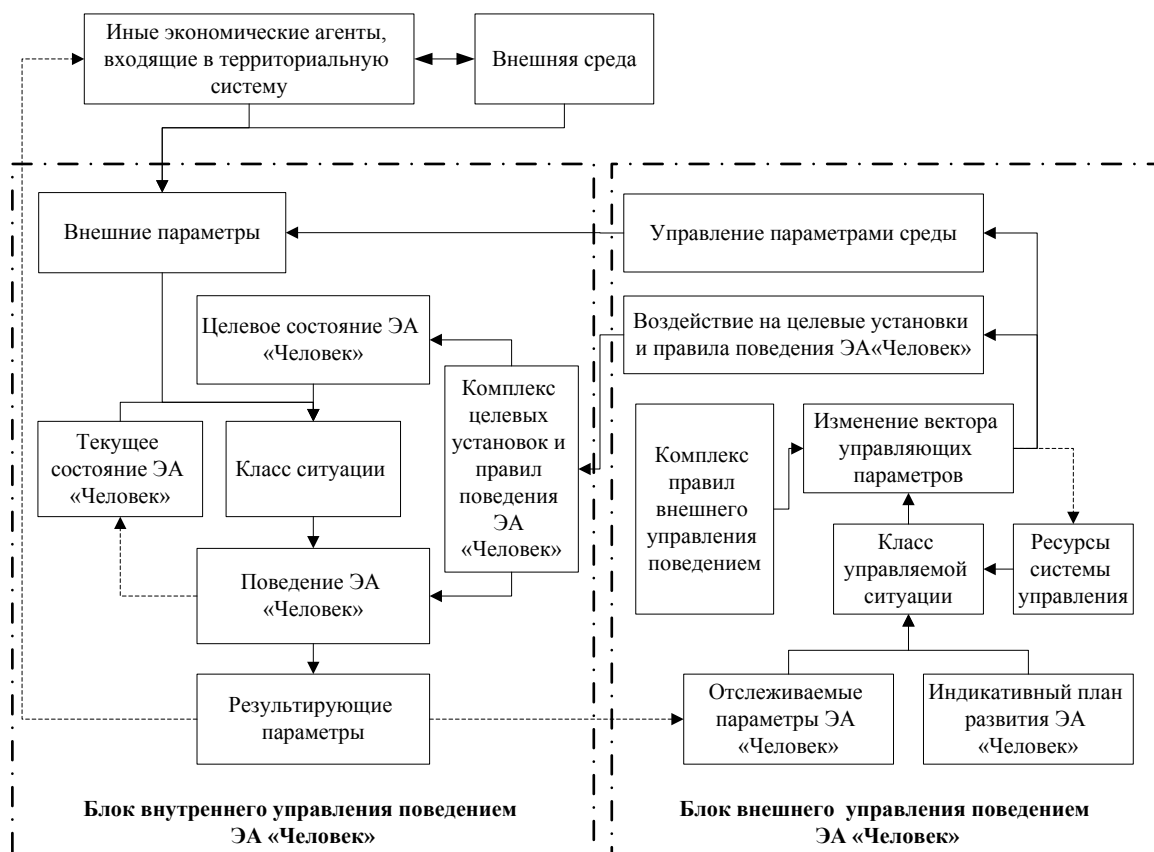

Рис. 2. Информационно-логическая схема управления поведением ЭА «Человек»

3. Корректировка поведения ЭА «Человек» исходя из задействованного на данном шаге моделирования правила поведения и изменение параметров текущего состояния агента;

4. Формирование комплекса результирующих параметров ЭА «Человек», являющихся как элементами внешних параметров для иных экономических агентов, так и отслеживаемым параметром блока внешнего управления поведением ЭА «Человек».

5. Сравнение полученных на данном этапе моделирования параметров текущего состояния ЭА «Человек» с индикативным планом в рамках блока внешнего управления поведением ЭА «Человек» и формирование класса управляемой ситуации с учетом ресурсных возможностей управляющей системы.

6. Формирование соответствия классов управляемой ситуации и правил внешнего управления поведением ЭА «Человек»;

7. Корректировка вектора управляющих параметров, исходя из задействованного на данном шаге моделирования правила управления.

Данный алгоритм выполняется до тех пор, пока не будет достигнуто соответствие между текущим состоянием ЭА «Человек» и имеющимся индикативным планом, либо не будет израсходован ресурс управляющей системы. При этом следует учитывать, что поведение указанного агента в определенной области взаимосвязано с его поведением в других сферах. Комплексный вектор развития определяется всей совокупностью задействованных правил поведения. Таким образом, в рамках разработанной схемы предложено рассматривать поведение экономического агента как реакцию на определенный класс ситуации, а управление поведением — как изменение класса ситуации, в которой находится ЭА «Человек», и целевых установок ЭА «Человек».

Литература:

1. Абдулова, Л. Р., Низамутдинов, М. М. Исследование миграционных процессов на региональном уровне и разработка прогнозной модели с использованием многофакторного анализа (на примере Республики Башкортостан) [Текст]/Л. Р. Абдулова, М. М. Низамутдинов // Аудит и финансовый анализ. — 2015. — № 1. — с. 79-84;
2. Аганбегян, А. Г. Как России выйти из удручающей социально-экономической ситуации и развиваться опережающими темпами [Текст]/А. Г. Аганбегян // Экономическое возрождение России. — № 3 (45) — 2015. — с. 21-24;
3. Аслямова, Э. Р., Уляева, А. Г. Совершенствование системы социальной защиты детей-инвалидов в городском округе город Уфа [Текст]/Э. Р. Аслямова, А. Г. Уляева // Инновационные технологии управления социально-экономическим развитием регионов России. Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции с Международным участием в 2-х частях. — Уфа, ИСЭИ УНЦ РАН. — 2015. — с. 13-17;
4. Атаева, А. Г., Уляева, А. Г. Исследование факторов формирования и развития городских агломераций как направления усиления межтерриториального взаимодействия в регионе [Текст]/А. Г. Атаева, А. Г. Уляева // Экономика и предпринимательство. — 2015. — № 12-1 (65-1). — с. 369-373;
5. Гайнанов, Д. А., Кобзева, А. Ю. Трудовой потенциал как фактор инновационного регионального развития [Текст]/Д. А. Гайнанов, А. Ю. Кобзева // Аудит и финансовый анализ. — 2016. — № 1. — с. 367-371;
6. Зиннурова, Г. Р. Система оказания муниципальных услуг: анализ состояния и перспективы развития [Текст]/Г. Р. Зиннурова // Проблемы функционирования и развития территориальных социально-экономических систем: Материалы IX Всероссийской научно-практической интернет-конференции. — Уфа: ИСЭИ УНЦ РАН. — 2015. — с. 201-203;
7. Мигранова, Л. И. Состояние и перспективы развития сферы образования Республики Башкортостан [Текст]/Л. И. Мигранова // Инновационные технологии управления социально-экономическим развитием регионов России: Материалы VII всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Часть I. — Уфа: ИСЭИ УНЦ РАН, 2015. — с. 116-122;
8. Орешников, В. В. Изменение половозрастной структуры населения Республики Башкортостан [Текст]/В. В. Орешников // Жизненный потенциал региона: социально-демографические проблемы современного общества (Аитовские чтения). Сборник материалов международной научно-практической конференции. — Уфа. — 2015. — с. 331-334;
9. Татаркин, А. И. Новая индустриализация экономики России: потребность развития и/или вызов времени [Текст]/А. И. Татаркин // Экономическое возрождение России. — № 2 (44) — 2015. — с. 20-31;
10. Тищенко, В. А. Роль социальных норм в управлении экономическим поведением [Текст]/В. А. Тищенко // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. — 2012. — № 1. — с. 149-152.

Особенности геодемографической ситуации в Республике Башкортостан

Петрова Ирина Вячеславовна, аспирант

Институт социально-экономических исследований Уфимского Научного Центра Российской Академии Наук (г. Уфа)

В статье показаны основные тенденции демографических процессов Республики Башкортостан, структура населения. Изучены особенности геодемографической ситуации республики. Выделены 4 вида демографических ситуаций, на основе в которых построена геодемографическая карта.

Ключевые слова: геодемографическая ситуация, смертность, рождаемость, миграция, численность населения.

Во многих странах, в том числе и в России, несмотря на общемировую тенденцию роста, количество населения сокращается. Целый ряд регионов нашей страны сохраняют тенденцию «старения» населения, превышения смертности над рождаемостью, миграционный отток. Поэтому в последнее время большое внимание стало уделяться региональным и субрегиональным особенностям социально-демографических процессов.

Каждый из регионов России представляет собой неповторимый демографический объект, так как имеет свои особенности, тенденции численности населения.

Общая картина демографических процессов и явлений, таких как смертность, рождаемость, миграция, которая демонстрирует динамику численности и структуру населения на конкретной территории, называется геодемографической ситуацией.

Данная статья демонстрирует особенности геодемографической ситуации Республики Башкортостан.

На 1 января 2016 года население Республики Башкортостан насчитывает 4071181 человек, что составляет около 2,8% населения Российской Федерации или 13,7% населения Приволжского федерального округа. [1] Динамика численности населения показывает, что наибольшая численность в Республике Башкортостан в 20–21 веке была в 2000 году и составляла 4119810 человек (рис. 1). С этого момента и до 2007 года наблюдается постоянное сокращение численности, за это время республика потеряла около 69 тыс. чел.

Сравнивая динамику населения Российской Федерации и Республики Башкортостан, можно сделать вывод о типичности региона, в которой с одной стороны сложи-

лась нестабильная миграционная обстановка, а с другой под воздействием естественного движения населения ожидается снижение численности лиц трудоспособного возраста. [2]

Для получения более полной демографической картины нам необходимо рассмотреть естественное движение населения (рис. 2).

Рост рождаемости с 2000 г. определяется увеличением численности женщин наиболее активного репродуктивного возраста (20–29 лет). Принятие закона о выплатах материнского капитала так же улучшило демографическую ситуацию, что доказывается увеличением рождаемости с 2007 года, однако, только с 2009 года рождаемость начинает превышать смертность.

На рождаемость так же влияет тенденция увеличения возраста, в котором женщина впервые становится матерью. В 2015 году средний возраст матери при рождении первенца в Башкортостане составил почти 26 лет (для сравнения: в 1990 году — 23,1 года). [3]

Высокая смертность является еще одной проблемой, причем основная особенность заключается в ее высоком уровне среди трудоспособного населения (среди мужчин смертность от общего количества составляет 43%, среди женщин 13%). Основными причинами смертности являются: болезни системы кровообращения (41,8%), старость (17,5%), новообразования (11,6%), внешние причины (11,2%).

На изменение численности населения кроме естественного движения оказывает влияние так же миграционное (механическое), поэтому его рассмотрение так же необходимо (таблица 1).

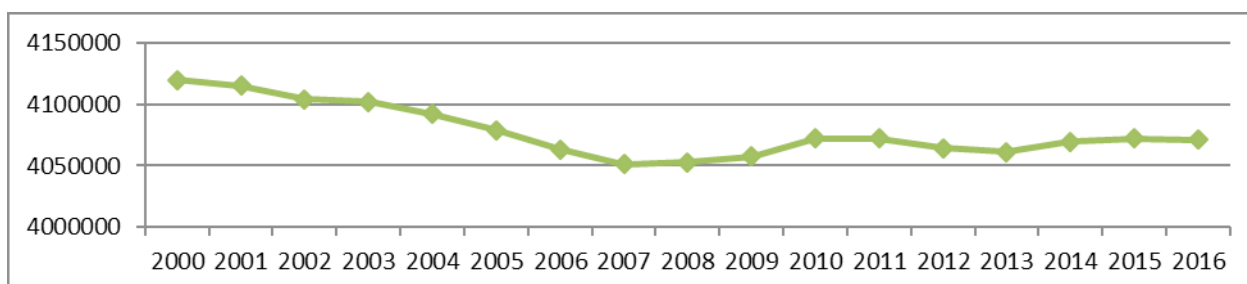

Рис. 1. Динамика численности населения Республики Башкортостан за 2000 — 2016 гг.

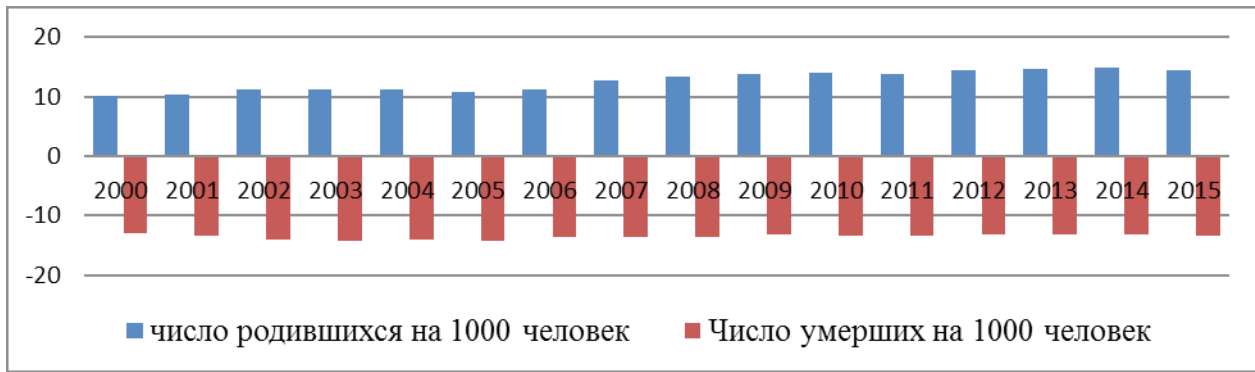

Рис. 2. Естественное движение населения Республики Башкортостан за 2000 — 2015 гг.

Таблица 1. Миграционный прирост (+), снижение (-) по видам миграции за 2006–2015 гг.

Виды миграции	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Межрегиональная миграция	-692	-260	-3083	-12720	-11762	-9743	-8334	-8735
Миграция со странами СНГ	6293	6502	3621	3117	2812	11637	4035	2743
Миграция с другими странами	35	99	23	217	106	933	-142	65
Итого:	5636	6341	561	-9386	-8844	2827	-4441	-5927

Анализируя статистические данные миграции по Республике Башкортостан можно сделать вывод о том, что отток населения происходит в основном в другие регионы России. Анализ обстоятельств, вызвавших необходимость смены места жительства населения в возрасте 14 лет и старше, показал, что из республики население в основном уезжает по причинам работы и учебы, а приезжают по причине возвращения к прежнему месту жительства. Учитывая главные причины оттока населения (миграция в основном является межрегиональной), можно сделать вывод об «утечке умов» и трудоспособного населения. Приток происходит за счет стран СНГ, что часто означает наплыв дешевой рабочей силы. Таким образом, высококвалифицированные кадры замещаются малоквалифицированными.

Плотность населения Республики Башкортостан на 1 января 2016 года составляет 28,48 чел./км², по данному показателю она занимает 40 место, превосходя такие ближайшие субъекты Российской Федерации как Свердловская область (22,28 чел./км², 44 место), Пермский край

(16,44 чел./км², 48 место), Оренбургская область (16,12 чел./км², 49 место). При этом наибольшая плотность населения наблюдается в Уфимском районе и ГО г. Уфа (37 чел./км²), где проживает около 29,6% населения республики.

Численность городского населения к 2016 году составляет 2511893 человек, сельского — 1560094 человек, что свидетельствует о высокой урбанизации республики (рис. 3). Несмотря на это, динамика доли городского населения показала, что наибольшее значение она принимала в 1995 и 2004 гг — 64,2%. В 2005 году произошло резкое снижение, после чего количество городских жителей снова стало увеличиваться.

Еще одной особенностью является национальный состав населения. Перепись населения 2010 года показала, что в Республике Башкортостан преобладают три национальные группы: русские (35,19%), башкиры (28,79%), татары (24,78%). Кроме них так же есть представители других этнических групп, например, чувашы (2,64%), марийцы (2,55%), все остальные не превышают 1%.

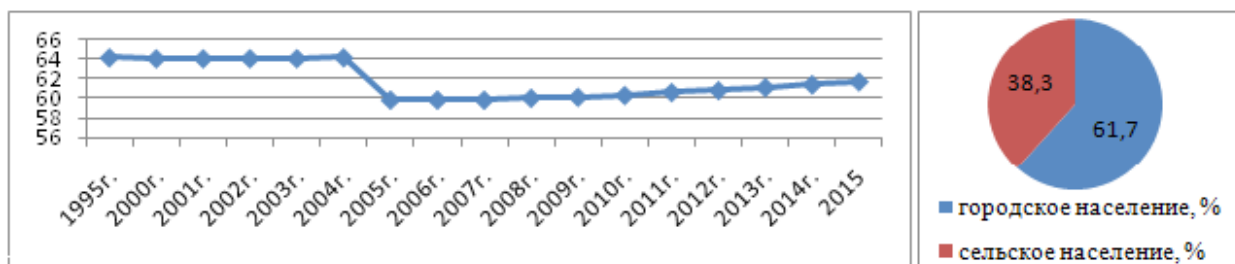

Рис. 3. Динамика доли городского населения с 1995–2015 гг., структура населения в 2015 г.

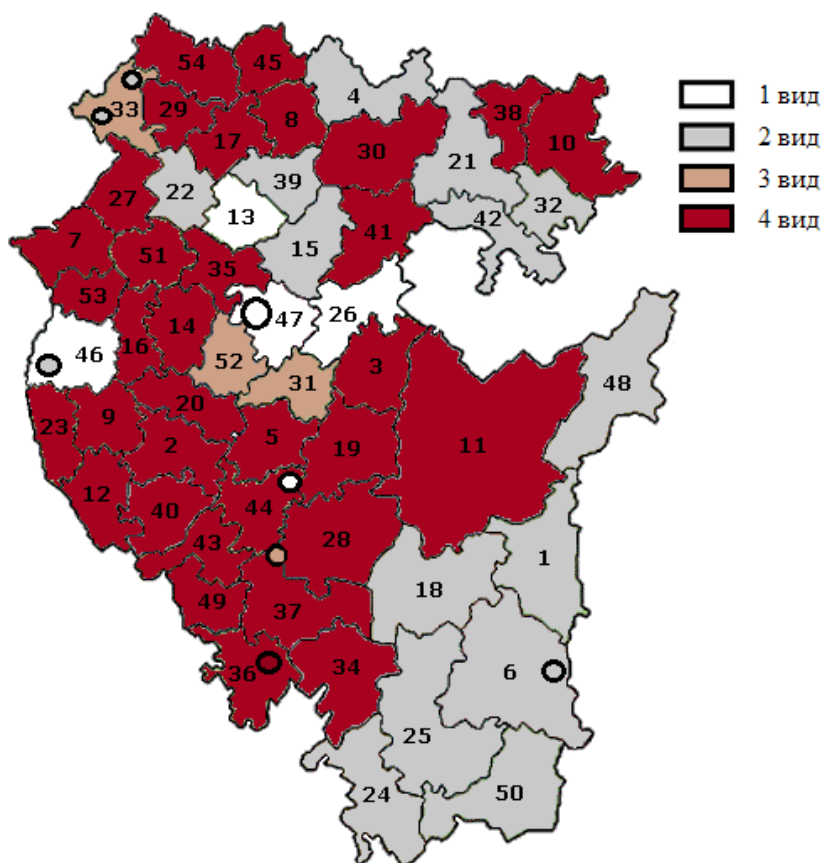

Рис. 4. Геодемографическая карта Республики Башкортостан

Для того чтобы наглядно показать демографические проблемы республики на основе данных статистики естественного и миграционного движения за 2015 год была построена геодемографическая карта (рис. 4). Все муниципальные образования были разделены на 4 вида:

Первый вид демографической ситуации представляет собой более или менее благополучную ситуацию, при которой муниципальные образования имеют положительные показатели естественного и механического прироста численности населения;

Второй вид представляет собой неблагоприятную демографическую ситуацию 1 типа, при которой муниципальные образования имеют положительные показатели естественного прироста, но отрицательное сальдо миграции;

Третий вид — неблагоприятная демографическая ситуация 2 типа, при которой муниципальные образования имеют отрицательные показатели естественного прироста, но положительное сальдо миграции;

Четвертый вид — тяжелая, кризисная ситуация, при которой муниципальные образования имеют отрица-

тельные показатели естественного и миграционного прироста населения.

В разных муниципальных образованиях и городских округах Республики Башкортостан не существует одинаковой демографической ситуации, поэтому такая геодемографическая карта дает их общее представление.

Полученная геодемографическая карта показала, что в целом общее демографическое положение муниципальных образований республики находятся в кризисном состоянии. Основная часть роста населения приходится на Уфимский район и городской округ г. Уфа. Убыль населения приходится не только на сельские поселения, но и на городские округа.

Таким образом, в результате данного исследования выявлены основные особенности демографической ситуации Республики Башкортостан, которые во многом типичны для субъектов Российской Федерации. На основании данных по естественному и механическому приросту/убыли все муниципальные образования и городские округа были разделены по 4 видам демографических ситуаций, в результате чего построена геодемографическая карта республики.

Литература:

1. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан. Режим доступа: <http://bashstat.gks.ru>;

2. Абдулова, Л. Р. Исследование миграционных процессов на региональном уровне и разработка прогнозной модели с использованием многофакторного анализа (на примере Республики Башкортостан)/Л. Р. Абдулова, М. М. Низамутдинов // Аудит и финансовый анализ — 2015. — № 1; — с. 79 — 84;
3. Официальный сайт Администрации городского округа город Уфа Республики Башкортостан. Режим доступа: <https://ufacity.info>

Оценка уровня использования финансового потенциала региона (на примере Республики Башкортостан)

Сахапова Гульнара Рауфовна, младший научный сотрудник
Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН, г. Уфа

Abstract: *Techniques of an assessment of financial potential it is approved on the example of the Republic of Bashkortostan.*

Keywords: *financial capacity of the region, integrated assessment of financial potential.*

Ключевые слова: *финансовый потенциал региона, интегральная оценка финансового потенциала.*

Финансовый потенциал представляет собой совокупность всех финансовых потоков региона (доходы бюджета региона, текущие и инвестиционные затраты бизнеса, текущие потребности и сбережения домохозяйств) при взаимодействии финансовых элементов которого возникает новое качество и обеспечивается целостность экономики региона. То есть потенциал следует рассматривать «как возможность получения максимального результата за счет оптимального режима использования ресурсов» [6, с. 32].

В последнее десятилетие финансовая сфера из инструмента, обслуживающего экономические процессы в регионе становится самостоятельным сегментом экономики, обладающего значительным потенциалом. Правильное формирование элементов и анализ финансового потенциала дает возможность эффективно управлять территорией и повышать ее конкурентоспособность.

Вопросы, посвященные оценке финансового потенциала, рассматриваются во многих публикациях, в частности в работах Джурабаевой Г. К. и Шаланова В. О. [1], а также в исследованиях сотрудников ИСЭИ УНЦ РАН [2, 3, 5, 6]. Используя наработки этих авторов, оценим финансовый потенциал региона, проведем структурный анализ его элементов на примере Республики Башкортостан, что позволит нам обнаружить резервы дальнейшего развития данного региона.

Для объективной оценки финансового потенциала региона и для получения эффективных результатов необходимо привести данные в сопоставимый вид через индекс потребительских цен.

Рассмотрим структуру элементов финансового потенциала, которые объединяют объемные и динамические показатели с разными единицами измерения:

в абсолютном выражении, как суммы потенциалов

$$\Phi\Pi_{\text{общ}} = \text{БНП} + \text{ПДХ} + \text{ПХС} + \text{ПФХ};$$

в относительном выражении, как средняя геометрическая интегральных показателей

$$K_{\text{интегр}} = \sqrt[4]{K_{\text{БНП}} + K_{\text{ПДХ}} + K_{\text{ПХС}} + K_{\text{ПФХ}}}$$

Расчеты финансового потенциала региона велись с использованием статистических данных Башстата [7] и были распределены по следующим блокам (табл. 1):

1. Бюджетно-налоговый потенциал региона, который рассчитывается на таких показателях, как налоговые и неналоговые доходы, межбюджетные трансферты, бюджетные расходы. Для анализа переведем данный показатель в сопоставимый вид. После кризиса 2008 г. в региональном бюджете явно наблюдается недостаточность финансовых средств и с каждым годом отмечается снижение бюджетно-налогового потенциала.

2. Потенциал домашних хозяйств основан на таких показателях, как денежные доходы физических лиц проживающих на данной территории, доля сбережений и потреблений в структуре доходов, величина прожиточного минимума. Самым низким потенциал домашних хозяйств был в предкризисный 2007 год и кризисный 2008 год. В последующие годы идет рост потенциала, что требует поиска направлений и путей повышения эффективного вложения свободных денежных средств, что особенно ак-

туально на фоне ускорения в последние годы инфляции, которая съедает ресурсы, образованные в этом секторе.

3. Потенциал хозяйствующих субъектов представлен следующими показателями: прибыль, амортизационные отчисления, рентабельность хозяйствующих субъектов, удельный вес прибыльных предприятий. После кризисного 2008 года потенциал хозяйствующих субъектов в 2009 году резко снизился, но быстро восстановился в последующие годы, в тоже время под воздействием инфляции величина потенциалов в сопоставимых ценах застыла на прежнем уровне. Данный блок является наи-

более гибким и при правильной экономической политике легко восстанавливает свой потенциал.

4. Потенциал финансово-кредитной сферы основан на определении инвестиционных возможностей хозяйствующих субъектов региона, а также уровня развития финансовой инфраструктуры. После кризиса 2008 г. данный показатель резко снизился в 1,5 раза (2009 г.) и 2 раза (2010 г.) в сопоставимых ценах от уровня 2008 г. С 2012 – 2014 гг. наблюдается сжатие потенциала финансово-кредитной сферы.

Данные расчета представлены в таблице 1:

Таблица 1. Расчеты финансового потенциала Республики Башкортостан

	Годы										
	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Бюджетно-налоговый потенциал											
БНП, в текущих ценах, млн. руб.	334	4475	8634	695	9128	-3365	-2529	-5297	-9982	-17466	-13828
БНП, в сопоставимых ценах, млн. руб.	333,8	4035,5	7149,1	511,1	5971,8	-2032,6	-1394,2	-2744,1	-4869,1	-8037,5	-5722,2
K_1	0,810	0,872	0,911	0,844	0,910	0,754	0,777	0,762	0,767	0,737	0,741
K_2	0,804	0,807	0,817	0,837	0,839	0,776	0,793	0,792	0,820	0,820	0,803
K_3	0,629	0,670	0,753	0,652	0,689	0,722	0,663	0,642	0,658	0,677	0,666
K_4	4,107	4,179	4,459	5,152	5,218	3,471	3,838	3,807	4,556	4,562	4,066
$K_{БНП}$	1,139	1,185	1,257	1,241	1,287	1,100	1,119	1,102	1,172	1,169	1,126
Потенциал домашних хозяйств											
ПДХ, в текущих ценах, млн. руб.	49513	69672	78653	65211	64819	111839	119827	94652	103937	105183	112164
ПДХ, в сопоставимых ценах, млн. руб.	49513	62824	65127	47954	42407	67562	66047	49032	50699	48403	46417
K_1	0,181	0,164	0,148	0,142	0,120	0,127	0,114	0,137	0,165	0,171	0,140
K_2	1,341	1,308	1,262	1,213	1,180	1,182	1,181	1,214	1,253	1,258	1,207
K_3	2,654	2,946	3,030	3,425	3,675	3,753	3,482	3,394	3,779	3,752	3,7650
K_4	82,5	85,1	85,5	87,2	88,5	88,8	87,9	87,4	89,7	89,6	89,2
$K_{ПДХ}$	2,702	2,710	2,639	2,676	2,605	2,659	2,533	2,652	2,893	2,917	2,725
Потенциал хозяйствующих субъектов											
ПХС, в текущих ценах	68806	80613	85890	96824	152384	122351	191878	189272	225513	236416	243440
ПХС, в сопоставимых ценах	68806	72690	71119	71201	99695	73912	105760	98048	110002	108793	100742
K_1	0,127	0,283	0,189	0,153	0,112	0,096	0,176	0,117	0,102	0,118	0,097
K_2	0,889	0,881	0,862	0,838	0,850	0,909	0,873	0,853	0,886	0,891	0,922
K_3	0,099	0,231	0,146	0,108	0,080	0,064	0,105	0,067	0,091	0,065	0,158
K_4	69,4	69,8	76,4	79,4	81,0	76,7	79,4	79,7	79,0	78,0	76,7
$K_{ПХС}$	0,938	1,415	1,162	1,024	0,887	0,809	1,065	0,855	0,899	0,853	1,021
Потенциал финансово-кредитной сферы											
ПФК, в текущих ценах	14495	26439	32218	50990	68021	49331	41172	45619	73844	76456	78232
ПФК, в сопоставимых ценах	14495	23841	26677	37496	44502	29801	22693	23632	36020	35183	32375

K_1	0,217	0,221	0,213	0,272	0,274	0,229	0,202	0,200	0,203	0,210	0,212
K_2	0,404	0,771	0,843	1,059	1,147	0,754	0,837	0,929	1,118	1,264	1,524
K_3	0,279	0,450	0,462	0,572	0,652	0,774	0,745	0,729	0,764	0,747	0,857
K_4	0,317	0,337	0,462	0,828	0,882	0,821	0,922	1,087	1,133	1,165	0,857
$K_{\text{ПФК}}$	0,297	0,401	0,443	0,608	0,652	0,575	0,584	0,620	0,666	0,688	0,726
$\text{ФП}_{\text{общ}}$	133148	181200	205395	213720	294352	280157	350347	324245	393311	400588	420009
$\text{ФП}_{\text{общ}}$ в сопоставимых ценах	133148	163390	170071	157162	192576	169243	193106	167969	191852	184342	173812
$K_{\text{интегр}}$	0,962	1,161	1,143	1,154	1,180	1,080	1,152	1,116	1,194	1,189	1,228

На основании проведенных расчетов сделаем следующие выводы о финансовом потенциале Республики Башкортостан. Мировой финансовый кризис 2008 года привел к снижению потенциалов бюджетно-налоговой и финансово-кредитной сфер, потенциал домохозяйств снижается с лагом в 2 года, что отражает общероссийскую тенденцию. Собственных средств для покрытия бюджетных расходов республике хронически не хватает и разрыв

с каждым годом увеличивается. В последние года потенциалы хозяйствующих субъектов и финансово-кредитной сферы имели стабильный характер [4].

Для наиболее наглядного представления уровня использования финансового потенциала Республики Башкортостан интегральные показатели изображены в виде графика (рис. 1).

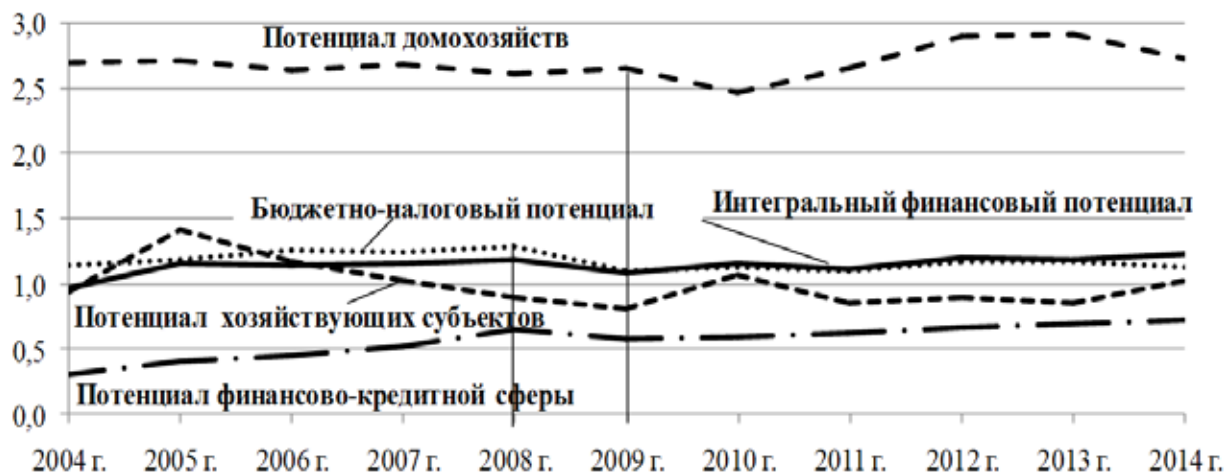

Рис. 1. Обобщенные структурные элементы финансового потенциала Республики Башкортостан

С помощью данной методики можно проводить анализ изменений отдельных структурных элементов, так и динамику развития финансового потенциала всего региона в целом. Полученные результаты могут служить основанием для выработки практических рекомендаций и принятия решений по формированию, использованию

и управлению финансовым потенциалом региона. Вовлечение ранее неиспользованного финансового потенциала и корректная его оценка позволит региону добиться более высоких темпов социально-экономического развития и достичь поставленных стратегических целей.

Литература:

1. Джурабаева, Г. К., Шаланов В. О. Интегральная оценка экономического потенциала организации // Сибирская финансовая школа. — 2009. — № 3. — с. 135–138.
2. Иванов, П. А. Подходы к оценке финансового потенциала территорий // Управление экономикой: методы, модели, технологии: Материалы XIV международной научной конференции. — Уфа: УГАТУ, 2014. — с. 35–38.
3. Качество экономического роста: теория и практика оценки и управления/Н. И. Климова, Т. Ю. Алтуфьева, Г. Р. Сахапова и др.; под ред. Н. И. Климовой. — М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2007. — с. 92–99.
4. Климова, Н. И., Бухарбаева Л. Я., Франц М. В., Шмакова М. В. Экономико-математическая модель финансового обеспечения стратегий регионального развития // Фундаментальные исследования. 2015. № 10. С. 378–383.

5. Тютюнникова, Т. И. Оценка региональных домохозяйств с позиции интегрированного подхода // Проблемы современной экономики. — 2014. — № 2. — с. 270–273.
6. Управление региональными финансами: стадийно-уровневый подход: Коллективная монография/Климова Н. И., Алтуфьева Т. Ю., Иванов П. А. и др.; под ред. Н. И. Климовой. — Уфа: ИСЭИ УНЦ РАН, 2014. — 194 с.
7. Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан. Режим доступа: http://bashstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/bashstat/ru/statistics/

Стратегии муниципальных образований и их встраивание в целостную систему стратегирования России

Тютюнникова Татьяна Игоревна, младший научный сотрудник
Институт социально-экономических исследований УНЦ РАН

Работа посвящена проблеме встраивания стратегий развития муниципалитетов в целостную систему стратегического планирования. Показано, что рекомендательный характер разработки стратегических документов субрегиональных образований ограничивает возможности деагрегации целевых установок федерального центра на нижестоящие уровни управления. Предложены меры по элиминированию данных недоработок, использование которых в практике стратегического планирования позволит взаимоувязать стратегии развития разноразмерных территорий.

Ключевые слова: стратегическое планирование, муниципальные образования, национальная безопасность, экономический рост.

Разработка стратегий социально-экономического развития муниципальными образованиями является процедурой, позволяющей определить цели, задачи и приоритеты развития территорий мезоуровня. В связи с их ролью в области достижения требуемого уровня и качества жизни населения, которые в большинстве случаев принимаются в качестве основной целевой установки социально-экономического развития, рассмотрение вопросов реализации законодательно-нормативной базы и инструментария стратегирования на субрегиональном уровне является, несомненно, *актуальным* и имеющим как научную, так и практическую значимость.

Основные результаты рассмотрения данных вопросов могут быть представлены следующим образом.

1. В общей постановке, стратегии социально-экономического развития муниципальных образований рассматриваются как часть целостной системы стратегического планирования России. Согласно принятому в 2014 г. Федеральному закону «О стратегическом планировании» стратегические разработки в России осуществляются на 3 уровнях: федеральном, субъектов РФ и субрегиональном (муниципальных образований) [1, ст. 1, п. 2]. Однако, уже по тексту упомянутого закона разработка стратегий для муниципальных образований является не обязательной, а рекомендательной процедурой. В терминологии закона — муниципальные стратегии «...

могут разрабатываться, ... реализовываться ...» [1, ст. 39, п. 2]. При этом следует отметить, что координация государственного и муниципального стратегического управления, позиционируется как одна из первых задач стратегирования [1, ст. 8, п. 1]. Кроме того, согласно [1, ст. 3, п. 9] вся система стратегического планирования должна обеспечивать согласованное взаимодействия всех участников стратегического планирования, одним из которых являются органы местного самоуправления, а также муниципальные организации [1, ст. 9, п. 3]. Следовательно, указанные расхождения в определенной степени могут «расшатывать» целостную вертикаль стратегических разработок и оказывать негативное влияние на уровень и качество стратегирования в целом.

2. По логике рассматриваемого законодательного акта целевые установки и задачи, стоящие перед Российской Федерацией, в последующем должны деагрегироваться на нижестоящие уровни: макрорегионы, субъекты Российской Федерации и муниципалитеты. Отдельно выделяются пространственные стратегии развития России [1, ст. 20, п. 1], разработка которых должна осуществляться в соответствии с государственной политикой. С учетом того обстоятельства, что последний нормативный акт в области региональной политики датируется 1996 г. («Основные положения региональной политики в Российской Федерации»), принятый в 2015 г. Федеральный закон ча-

стично заполняет данный пробел и способствует расширению законодательной базы в сфере территориального управления.

При этом нельзя не отметить, что область пространственного стратегирования в рассматриваемом законодательном акте неоправданно сужена до целей и задач регионального развития РФ, направленных на «...поддержание устойчивости системы расселения на территории Российской Федерации» [1, ст. 3, п. 26]. На наш взгляд, понятие «пространственное развитие» гораздо шире систем расселения и связано как с рациональным размещением производственных мощностей, так и имеющихся ресурсов (труда, капитала и пр.). В научных публикациях последних лет, посвященных данной проблематике, отмечается, что основным из императивов пространственного образа экономики является реализация принципа высокой мобильности ресурсов [2, с. 21]. В этой связи в стратегиях пространственного развития следует рассматривать и данные аспекты, а не ограничиваться расселением населения и поддержанием его устойчивости.

3. Анализ задач стратегического планирования, которые представлены в рассматриваемом федеральном законе, позволил выявить их тесную взаимосвязь со Стратегией национальной безопасности Российской Федерации (2015 г.) (далее Стратегия). С одной стороны, Стратегия национальной безопасности входит в число документов стратегирования, разработка которых передана на федеральный уровень [1, ст. 11, пп. 3.1в]. С другой стороны, из 10 основных задач, представленных в рассматриваемом федеральном законе, 5 — нацелены на обеспечение национальной безопасности [1, ст. 8]. И хотя функциональное содержание данных документов различно — федеральный закон регламентирует порядок и процедуры стратегического планирования, а Стратегия национальной безопасности является его базовым документом, по идее их участниками должны быть все обозначенные в законе уровни управления. Безусловно, перечень выполняемых ими функций должен различаться в силу возложенных на них полномочий, но факт участия должен быть очевиден.

В принципе, органы местного самоуправления не столь часто как в законе «О стратегическом планировании» позиционируются в качестве участников — реализаторов Стратегии. Но по содержанию Стратегии их участие предполагается при решении достаточно большого количества задач. Данное участие просматривается при формулировке стратегических национальных и региональных приоритетов, [4, п. 31], реализация которых де-факто предполагает участие органов местного самоуправления и населения муниципальных образований.

4. Большая часть перечисленных приоритетов, а также их конкретизация в основных показателях [3, п. 115] относится к экономической безопасности, и в силу перекрестного содержания — Стратегии с законом о стратегическом планировании с большой вероятностью будут

задействованы и в стратегиях социально-экономического развития разноуровневых территориальных образований. При этом, уже в настоящий момент налицо сложности, которые могут возникнуть на уровне муниципальных образований, как при достижении данных показателей, так и при их оценке. Возьмем явный и наиболее значимый приоритет, как для экономического развития, так и для экономической безопасности — экономический рост. Но:

во-первых, при конкретизации обозначенных в Стратегии приоритетов в системе показателей состояния национальной безопасности экономический рост не идентифицирован. Хотя в государственной статистике, начиная с 90-х годов, данный показатель представлен индексом роста физического объема ВВП (для субъектов Российской Федерации — ВРП), который широко используется в аналитических разработках как текущего, так и прогнозного характера;

во-вторых, показатель экономического роста представлен не менее важным, но все-таки не отражающим экономическую динамику показателем ВВП на душу населения. Удельный ВВП (в расчете на душу населения) в экономике традиционно рассматривается как показатель уровня развития. Причем его величина (в отличие от темпов роста физического объема ВВП — ВРП), с одной стороны, в значительной степени подвержена инфляционному влиянию, а с другой — зависит от развития демографической ситуации (численности населения). Его изменение обусловит искажение оценок социально-экономической ситуации, реально сложившейся в данных образованиях, и дезинформации лиц, принимающих управленческие решения;

в-третьих, возможности задействования данного показателя на субрегиональном уровне при разработке стратегий развития муниципалитетов ограничены, поскольку до настоящего времени методическая база расчета ВМП (валового муниципального продукта) не разработана, и расчеты ВМП проводятся отдельными специалистами в исследовательских целях лишь по отдельным территориям.

В принципе, полномочия муниципальных образований в большей степени сосредоточены в социальной сфере. Однако содержащиеся в федеральном законе положения в части выстраивания вертикали стратегирования и «согласованного взаимодействия участников стратегического планирования» [1, ст. 3, п. 9], предполагают участие в данном процессе не только муниципальных, но и отраслевых структур (посредством разработки отраслевых документов стратегического характера). В этой связи встает вопрос о комплементарности показателей, задействованных в системе стратегического планирования и национальной безопасности.

Рассмотрение данного вопроса осуществлено в [4], и в качестве его решения предложено использовать показатель добавленной стоимости. Данный показатель может быть задействован как переходный до момента разработки методических основ расчета ВМП, а при формировании отраслевых стратегий может использоваться в доста-

точно широком спектре задач — от оценки текущего состояния, являющейся частью стратегических разработок, до средне- и долгосрочного прогнозирования. Тем самым будет в определенной части решен вопрос информационно-аналитической поддержки стратегических разработок, мониторинга их результатов и последующий корректировки положений стратегических документов за счет включения в конструкцию данной системы поддержки показателей, рассчитываемых на муниципальном и отраслевом уровнях управления.

5. Но не только отсутствие методических разработок по расчету ВМП является проблемой, требующей решения при осуществлении стратегических разработок на муниципальном уровне и при их встраивании в целостную систему стратегического планирования. И в законе «О стратегическом планировании» и в Стратегии национальной безопасности повышение качества жизни населения рассматривается как важнейший приоритет. Но муниципальная статистика не имеет официально утвержденной методики оценки данного показателя и, соответственно, не рассчитывает его уровень в разрезе отдельных территорий. В экономической лите-

ратуре представлено разнообразие разработок в данной области. Однако, если придерживаться требований федеральных органов, то из всей совокупности разработок следует обратиться к Методика комплексной оценки качества жизни населения, разработанной СОПС по заказу Минэкономразвития РФ [5]. Но в официальных статистических сборниках по муниципальным образованиям, как правило, представлен размер среднемесячной заработной платы работников предприятий и организаций [6]. Тем самым расчет данного показателя и его использование в стратегических разработках также представляет проблему, требующую решения как в методическом, так и в практическом планах¹.

Подводя итог вышеизложенному, следует отметить, что осуществление стратегических разработок на уровне муниципальных образований сопряжено с определенными сложностями как методического, так и информационного характера. Решение этих задач позволит «встроить» муниципальные стратегии в целостную систему многоуровневого стратегирования и обеспечить органы местного самоуправления действенным инструментарием управления территориями.

Литература:

1. Федеральный закон Российской Федерации «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (утв. 28.06.2014 г. N 172-ФЗ);
2. Экономическое пространство: теория и реалии/Ред. кол.: А.И. Татаркин (рук.), Н.И. Климова, Л.А. Исмагилова; Уфимск. гос. авиац. техн. ун-т и др. — М. Экономика, 2011. 374 с.
3. «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации» (утв. Указом Президента Российской Федерации 31.12.2015 г. N 683);
4. Климова, Н.И., Бухарбаева Л.Я. Параметры стратегирования разноразрядных социально-экономических систем и их оценка с позиций комплементарности // Вестник университета. — 2013. — Т. 1. — № 4 (43). — с. 71–78;
5. Гришина, И.В., Польшин А.О., Тимонин С.А. Качество жизни населения регионов России: методология исследования и результаты комплексной оценки. // Современные производительные силы. — 2012. — № 1. — с. 70–83.
6. Социально-экономическое положение муниципальных районов и городских округов Республики Башкортостан: статистический сборник/Башкортостанстат. Уфа, 2015. — 259 с.

Формирование системы управления городской агломерацией на основе принципов корпоративного и административного управления

Уляева Алсу Гарифулловна, научный сотрудник
Институт социально-экономических исследований УНЦ РАН (г. Уфа)

В статье рассматриваются особенности агломерации с точки зрения свойств корпоративной структуры и свойств субрегионального образования. Это позволяет в дальнейшем выделить функциональное и организационное обеспечение при создании системы управления городской агломерацией.

Ключевые слова: городская агломерация, система управления, корпоративные структуры, административное управление, субрегион, мезоэкономика.

Современный этап развития региональной экономики в России характеризуется усилением агломерационных процессов, характеризующихся стягиванием экономического пространства вокруг крупных городов. По прогнозам ООН, продолжающийся рост численности населения и урбанизация приведут к увеличению на 2,5 миллиардов человек городского населения в мире к 2050 году, при этом наиболее быстро растущие городские агломерации — это средние города и города с менее чем 1 млн жителей, расположенные в Азии и Африке (рис. 1). Прогнозируется, что к 2030 году 41 городских агломераций мира будут вмещать, по крайней мере, 10 миллионов жителей каждый [1].

Однако в последнее десятилетие можно говорить о постепенном демографическом и экономическом насыщении сверхкрупных и крупных городов и усилении в них агломерационных процессов. Происходит так называемый процесс агломерирования городов — сочетание процессов урбанизации и субурбанизации в крупных городах регионального значения с формированием устойчивых процессов трудовой миграции и пригородной жилой застройки.

Таким образом, возникает необходимость перевода объективно развивающихся агломерационных процессов в управляемую систему управления агломерациями в условиях компликации региональной политики в части учета

положительных и отрицательных агломерационных эффектов. Несмотря на наличие значительного числа исследований основ управления агломерациями, фактическое применение предлагаемых моделей и принципов управления, а также их внедрение в существующую систему административно-территориального устройства региона остается проблематичным, что связано с институциональными ограничениями и организационной неформальностью объективно формируемых агломераций.

Выделение городских агломераций подразумевает создание новой системы управления территориальным и стратегическим развитием городских территорий. При этом необходимо не столько постоянное административное вмешательство, сколько создание условий для дальнейшего их функционирования и развития на самостоятельной основе с учётом интересов основных агентов территорий [3]. Здесь возникает проблема, что при формально равном статусе одних и тех же групп стейкхолдеров существует риск того, что некоторые представители бизнеса, органы власти городов-ядер агломерации пожелают «продать» свои собственные интересы и стратегии в ущерб интересам агентов других территорий в составе агломерации. Взаимодействие с внешними стейкхолдерами агломерации значительно усложняется (что вызвано характером агломерации как центра региона), и это требует внимания от органов государственной власти региона

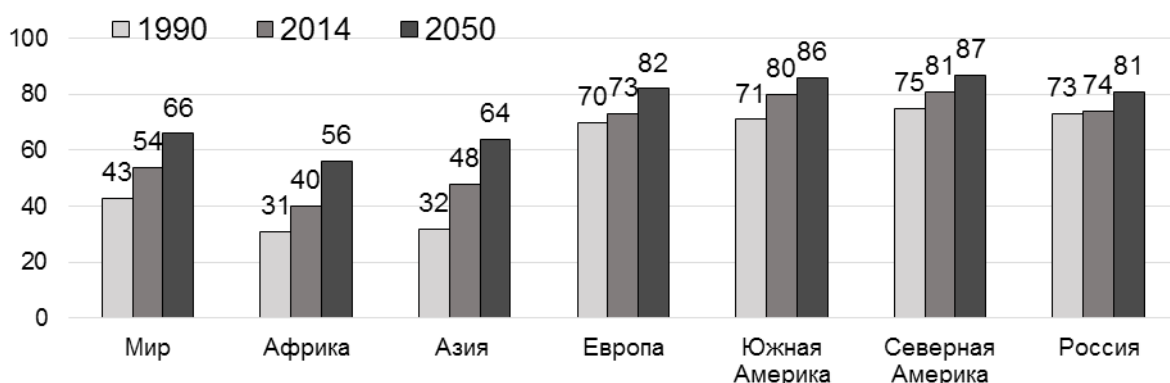

Рис. 1. Доля городского населения в мире в 1990, 2014 и 2050 (прогноз ООН), % [1]

к агломерации. Все это требует построения корректной системы коммуникации при осуществлении межтерриториального взаимодействия в агломерации и формирования системы управления ею.

Особенность управления агломерацией как сложной системы заключается в двойственности ее содержания: с одной стороны, как территориальной надстройки экономической подсистемы, а с другой как территориальной подсистемы региона, что ставит перед автором сложную методическую проблему построения системы управления, а именно выбор модели управления агломерацией. В первом случае, агломерация функционирует и развивается как мезоуровень экономической системы региона, откуда поступает основной поток трудовых, инвестиционных и иных ресурсов, в которой сложившаяся система хозяйственных контактов проецируется на всю систему региональной организации экономики [5]. Во втором случае агломерация является формой внутрирегиональной локализации территориальных социально-экономических систем (субрегион), что обуславливает необходимость учета интересов как муниципальных образований (МО), так и региона при определении вектора дальнейшего развития [6].

Существующие модели управления агломерацией, как правило, учитывают только второй аспект агломерации, что сказывается на выборе форм органов управления и организации взаимодействия между ними). Проблему выбора

модели системы управления необходимо решать на основе комбинации двух подходов к пониманию сущности агломерации: агломерации как квази-муниципального образования и агломерации как квази-корпорации (рис. 2).

Рассмотрим сущность агломерации с точки зрения корпоративных структур, а именно как мезоэкономический уровень в системе экономических отношений. Корпоративные отношения складываются в процессе хозяйственной деятельности и охватывают различные направления деятельности по производству, распределению, обмену и потреблению. Целесообразность создания корпоративных структур в экономике заключается в двух преимуществах: привлечение капитала осуществляется под крупные инвестиции (для осуществления масштабных проектов) и диверсификация производства и рисков.

Наиболее близким по иерархии управления, организационному оформлению и взаимодействию между субъектами к агломерации будет такой вид корпоративной структуры как холдинг. Агломерация в этом плане характеризуется интенсивным протеканием процессов интеграции, а также развитие экономических отношений и социального партнерства. В отличие от других видов корпораций, холдинг является объединением самостоятельных субъектов экономических отношений, имеющих свои функции и обладающих собственными ресурсами. Головная компания обладает полномочиями управления де-

Рис. 2. Подходы к пониманию сущности агломерации

ательностью других участников либо в соответствии с договором, либо иным образом, посредством определения принимаемых такими обществами решений в целях выполнения общих задач и обеспечения эффективного функционирования холдинга в целом [2].

В агломерации так же, как и в корпорации, решаются вопросы привлечения капитала на реализацию крупных проектов. При этом, объективные особенности инвестиционного климата региона не гарантируют большой приток инвестиций в экономику. Для этого необходимо осуществление ряда мероприятий в рамках территориального маркетинга, использование инструментов которого в агломерации, поскольку результативность мероприятий по воспроизводству спроса на ресурсы территории может обеспечить эффект не только для самого города, но и для его прилегающих территорий [9].

Объединение ограниченных возможностей всех органов местного самоуправления, входящих в агломерацию, позволит сконцентрировать их на задаче создания системы управления, работающей на нужды всех МО, чьи администрации консолидировали свои ресурсы (трудовые, финансовые, административные и т. д.). Как и в корпоративных отношениях, интеграционные процессы в агломерации приносят синергетический эффект, возникающий благодаря экономии на масштабах деятельности, взаимодополнению ресурсов, снижению издержек, повышению эффективности управления и другим факторам.

Таким образом, с этой точки зрения, агломерация представляет собой объединение основных агентов МО в ее составе, а создание органа управления обосновывается необходимостью применения инструментов эффективного использования находящихся в распоряжении МО ресурсов, текущего и стратегического управления и планирования, эффективного распределения ресурсов и денежных потоков для реализации определенных проектов. Финансовые механизмы системы управления агломерацией, в первую очередь, должны строиться на принципах проектного финансирования.

Рассмотрим сущность функционирования агломерации как субрегионального образования. На субрегиональном уровне реализуются основные направления территориального развития муниципальных образований с учетом интересов региона, а также осуществляется межмуниципальное сотрудничество. Субрегион — это территориальная социально-экономическая подсистема региона (группа МО), обладающая свойствами относительной целостности, выделенная по каким-либо общим экономико-географическим, административным, природно-климатическим и другим взаимосвязанным между собой признакам [7]. Отличительными особенностями субрегиона являются целевая направленность (комплексное решение социально-экономических проблем), программный характер управления и деятельности, превалирование вертикальных связей (государство — МО) перед горизонтальными (МО — МО).

Роль и место субрегиона заключается в решении задач развития территорий субъекта федерации в рамках единой региональной экономической политики с учетом местной специфики, а также тех задач, которые муниципальные образования не могут решить в отдельности в силу ограниченности полномочий и ресурсов. Таким образом, с этой точки зрения, агломерация является местом приложения интересов региональных властей. При формировании системы управления, с этой точки зрения, на первый план выходит социальный фактор (решение вопросов текущей жизнедеятельности населения), что вызывает необходимость снижения отрицательных последствий агломерации.

В городской агломерации маятниковая миграция приводит к тому, что население устраивается на работу и платит налоги в бюджет города-ядра, при этом, проживая на периферии, где больше возможностей для индивидуального жилищного строительства и лучше экологические условия, требует от местных органов власти периферии решения удовлетворения своих потребностей (жилищно-коммунальных, образовательных, медицинских и др.). Такая несправедливая система распределения ресурсов и интересов приводит к диспропорциям в социально-экономическом развитии МО в агломерации и снижению финансовой самостоятельности МО периферии. Этим и определяется необходимость административных методов управления агломерацией, особенно в части регулирования системы предоставления государственных и муниципальных услуг [4].

Таким образом, комбинирование двух подходов позволит выделить в субъекте управления их функции: представительская с позиции субрегиональной сущности агломерации и защиты интересов ее составных элементов (муниципалитетов) и исполнительская с позиции мезоэкономической сущности агломерации и решения отраслевых и межотраслевых проблем развития.

Объединение МО в агломерацию превращает территорию в точку устойчивого и динамического роста со значительным социальными и экономическими эффектами: повышение конкурентоспособности агломерации; регулирование внутренней миграции (маятниковой) ближайших к крупному городу; предотвращение миграционной перенасыщенности и избыточного давления на инфраструктуру города-ядра; смена акцента развития города-ядра на периферию агломерации; прогноз потребности и сбалансирование развитие производственных площадок; возможности реализации крупных инфраструктурных проектов и др. Все это выражается в активизации экономического потенциала входящих в состав агломерации МО. Роль агломерации как новой модели пространственного развития экономики региона объясняется усилением ее места в регионе не только как центра расселения, но и как локомотива роста экономики со специализацией на наиболее прогрессивных видах экономической деятельности.

Литература:

1. The 2014 Revision, Highlights // The United Nations. URL: <http://esa.un.org/Unpd/Wup/Highlights/WUP2014-Highlights.pdf> (дата обращения: 2.03.2016).
2. Белых, В.С., Берсункаев Г.Э. Холдинги и холдинговое законодательство в России // Бизнес, менеджмент и право. — 2007. — № 1 (13). — с. 86–88.
3. Гайнанов, Д.А., Мигранова Л.И., Сайфуллина Л.Д. Агент-ориентированное моделирование системы территориального развития // Управление экономикой: методы, модели, технологии: материалы XV международной научной конференции В 2т. Т. 2. — Уфа: УГАТУ, 2015. — с. 141–145.
4. Зиннурова, Г.Р., Атаева А.Г. Отдельные аспекты предоставления и финансирования муниципальных услуг для удовлетворения базовых потребностей экономических агентов муниципального образования // Аудит и финансовый анализ. — 2012. — № 2. — с. 274–278.
5. Кобзева, А.Ю., Атаева А.Г. Базисные факторы формирования трудового потенциала региона в условиях усиления межмуниципальных связей городских агломераций // Фундаментальные исследования. — 2015. — № 11–6. — с. 1184–1189.
6. Орешников, В.В., Низамутдинов М.М. Модельный инструментарий обоснования стратегий развития субрегиональных экономических систем // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. — 2013. — Т. 6. — № 6 (32). — с. 66–75.
7. Тажитдинов, И.А., Атаева А.Г. Методологические основы изучения сущности и способов организации внутрирегиональных территориальных социально-экономических систем // Современные проблемы науки и образования. — 2012. — № 6. — с. 450.
8. Чернуха, Д.С. Инновации и региональный туризм на примере Республики Башкортостан // Проблемы функционирования и развития территориальных социально-экономических систем: Материалы IX Всероссийской научно-практической интернет-конференции. — Уфа: ИСЭИ УНЦ РАН, 2015. — с. 255–258.

Влияние туризма на социально-экономические процессы

Чернуха Дарья Сергеевна, аспирант
Институт социально-экономических исследований УНЦ РАН (г. Уфа)

Активное развитие туризма в мире характеризуется ежегодным увеличением туристского потока, а также высокой долей в общемировом валовом продукте. По данным Всемирной туристской организации (UN WTO) число международных туристских прибытий в 2015 году составило 1 184 млн.¹, а доля туристского сектора в мировой экономике достигла 9%, каждый одиннадцатый занятый работает в туристской отрасли, общий доход от туризма в 2015 году составил 1 245 млрд. долларов.²

Туристская индустрия является важной частью экономики, как для развитых стран, так и для развивающихся. Развитие туризма способствует созданию дополнительных рабочих мест, обновлению и расширению инфраструктуры территории, увеличению национального дохода, привлечение иностранной валюты и формированию благоприятного имиджа на территории [1]. В таблице 1 показан вклад туристской индустрии в ВВП в 41 государстве, для анализа были выбраны страны с разным

Таблица 1. Доля дохода туристской индустрии в ВВП, %

Страна	2009	2010	2011	2012	2013
Хорватия	14,86	13,84	15,49	15,69	16,80
Кипр	9,67	9,39	10,16	10,81	12,49
Таиланд	7,51	7,47	8,95	10,31	11,89
Болгария	8,52	8,29	8,17	7,99	8,50

¹ Пресс-релиз от 18 января 2016 г. // <http://media.unwto.org/ru/press-release/2016-01-19/chislo-mezhdunarodnykh-turistskikh-pribytii-v-2015-godu-vozroslo-na-4-i-dos>.

² UNWTO Tourism Highlights, 2015 Edition // <http://mkt.unwto.org/publication/unwto-tourism-highlights-2015-edition>.

Греция	4,49	4,20	5,19	5,34	6,68
Сингапур	4,79	6,00	6,57	6,53	6,31
Тунис	8,11	7,83	5,50	6,48	6,09
Австрия	5,34	5,38	5,23	5,26	5,28
Венгрия	5,42	5,09	5,19	4,89	4,93
Испания	3,99	4,12	4,53	4,67	4,85
Вьетнам	2,88	3,84	4,21	4,40	4,40
Турция	4,28	3,60	3,88	3,99	4,23
Чехия	3,86	3,87	3,74	3,75	3,74
Куба	3,35	3,45	3,63	3,57	3,41
Швейцария	3,09	3,03	2,96	2,92	2,92
ОАЭ	2,90	3,00	2,65	2,79	2,87
ЮАР	2,93	2,75	2,57	2,82	2,86
Египет	6,22	6,23	3,95	4,12	2,67
Нидерланды	2,08	2,23	2,35	2,45	2,66
Швеция	2,35	2,25	2,29	2,36	2,40
Польша	2,26	2,09	2,21	2,39	2,37
Франция	2,18	2,12	2,30	2,38	2,35
Израиль	2,45	2,50	2,33	2,40	2,22
Италия	1,92	1,88	1,99	2,07	2,16
Финляндия	1,63	1,82	2,04	2,11	2,14
Австралия	2,91	2,72	2,46	2,24	2,14
Дания	1,76	1,78	1,86	1,90	1,90
Великобритания	1,67	1,69	1,77	1,75	1,84
Германия	1,39	1,44	1,42	1,46	1,48
США	1,01	1,12	1,21	1,24	1,28
Норвегия	1,28	1,24	1,32	1,17	1,22
Чили	1,37	1,11	1,10	1,17	1,15
Мексика	1,40	1,20	1,06	1,12	1,13
Индонезия	1,12	1,01	1,01	1,03	1,13
Индия	0,82	0,85	0,96	1,00	1,02
Российская Федерация	1,01	0,87	0,89	0,89	0,97
Канада	1,14	1,14	1,12	1,13	0,96
Аргентина	1,18	1,22	1,08	0,93	0,81
Китай	0,84	0,83	0,71	0,65	0,59
Япония	0,25	0,28	0,21	0,27	0,34
Бразилия	0,34	0,27	0,26	0,29	0,29

типом экономики и с разным уровнем развития туристской отрасли.

Доля доходов туризма в ВВП в большинстве из рассматриваемых стран выше, чем в нашей стране. Россия, с ее обширной и разнообразной территорией, обладает огромным туристским потенциалом, который в свою очередь полностью не используется. Туризм способен оказывать стимулирующие воздействие на многие отрасли экономики страны, такие как: транспорт, связь, строительство, общественное питание, а так же на социальную сферу жизнедеятельности общества, способствуя социально-экономическому развитию и повышению качества жизни населения страны. Для определения степени вли-

яния туристской отрасли на экономику и благосостояния населения территории, был проведен корреляционный анализ взаимосвязи доходов туризма с национальным доходом на душу населения и валовым региональным продуктом [2]. Значения коэффициентов корреляции представлены в таблицу 2.

Как видно из таблицы, корреляционная взаимосвязь между показателями очень тесная. В Египте, Кубе и Объединенных Арабских Эмиратах доход от туризма не так сильно влияет на национальный доход на душу населения, как в других странах.

При увеличении национального дохода на душу населения прямо пропорционально увеличиваются доходы ту-

Таблица 2. Взаимосвязь доходов туристско-рекреационного хозяйства с национальным доходом на душу населения и ВВП

Страна	Коэффициент корреляции (1)	Коэффициент корреляции (2)	Страна	Коэффициент корреляции (1)	Коэффициент корреляции (2)	Страна	Коэффициент корреляции (1)	Коэффициент корреляции (2)
Индия	0,98	0,98	Индонезия	0,93	0,92	Венгрия	0,86	0,85
Сингапур	0,98	0,99	ЮАР	0,93	0,91	Польша	0,86	0,94
Чили	0,98	0,97	Китай	0,92	0,93	Канада	0,84	0,91
РФ	0,98	0,99	Испания	0,91	0,95	Великобритания	0,79	0,95
Швеция	0,97	0,98	Хорватия	0,91	0,97	США	0,77	0,86
Турция	0,97	0,96	Швейцария	0,90	0,99	Аргентина	0,75	0,81
Германия	0,96	0,99	Болгария	0,90	0,97	Греция	0,73	0,80
Чехия	0,95	0,99	Франция	0,90	0,96	Япония	0,69	0,33
Дания	0,95	0,97	Израиль	0,89	0,93	Тунис	0,59	0,60
Таиланд	0,95	0,94	Финляндия	0,88	0,90	Кипр	0,50	0,59
Вьетнам	0,95	0,95	Нидерланды	0,88	0,91	Египет	0,35	0,41
Австрия	0,94	0,98	Бразилия	0,88	0,92	Куба	0,33	0,54
Норвегия	0,94	0,98	Мексика	0,87	0,75	ОАЭ	-0,35	0,97
Австралия	0,94	0,96	Италия	0,87	0,95			

1 — Доходы от туристско-рекреационного хозяйства и национальный доход на душу населения; 2 — Доходы от туристско-рекреационного хозяйства и ВВП.

ристской отрасли, так же увеличение доходов туризма напрямую влияет и на увеличение валового внутреннего продукта.

На примере субъектов Российской Федерации был проведен корреляционный анализ между такими социально-экономическими категориями как платные туристские услуги и услуги коллективных средств размещения и денежные доходы на душу населения, валовой регио-

нальный продукт. Значения коэффициентов корреляции представлены в таблице 3. В таблице 4 показана взаимосвязь между тремя категориями: Денежные доходы населения и объем платных туристских услуг и услуг КСР; денежные доходы населения и ВРП; объем платных туристских услуг и услуг КСР и ВРП.

Чем выше доходы населения в регионе, тем больше население тратится на туристские услуги и на услуги коллек-

Таблица 3. Взаимосвязь платных туристских услуг и услуг КСР от денежных доходов на душу населения, ВРП

Регион	Коэффициент корреляции (1)	Коэффициент корреляции (2)	Регион	Коэффициент корреляции (1)	Коэффициент корреляции (2)	Регион	Коэффициент корреляции (1)	Коэффициент корреляции (2)
Калужская область	1,00	0,99	Самарская область	0,99	0,97	Ульяновская область	0,97	0,97
Амурская область	1,00	0,92	Республика Адыгея	0,99	0,98	Карачаево-Черкесская Республика	0,97	0,99
Российская Федерация	1,00	0,99	Липецкая область	0,99	0,92	Республика Бурятия	0,97	0,93
Республика Башкортостан	1,00	0,93	Владимирская область	0,99	0,98	Вологодская область	0,97	0,87
Пензенская область	1,00	0,98	Ивановская область	0,99	0,99	Ставропольский край	0,97	0,97

Ростовская область	1,00	1,00	Тюменская область	0,99	0,96	Еврейская автономная область	0,97	0,99
Республика Татарстан	1,00	0,99	Кировская область	0,99	0,99	Мурманская область	0,97	0,92
Тамбовская область	1,00	0,98	Смоленская область	0,98	0,99	Удмуртская Республика	0,96	0,95
Свердловская область	0,99	0,95	Кабардино-Балкарская Республика	0,98	0,98	Алтайский край	0,96	0,97
Брянская область	0,99	0,99	Магаданская область	0,98	1,00	Республика Алтай	0,96	0,94
Оренбургская область	0,99	0,98	Камчатский край	0,98	0,97	Республика Хакасия	0,95	0,92
Воронежская область	0,99	0,99	Приморский край	0,98	0,96	Саратовская область	0,95	0,98
Орловская область	0,99	0,99	Республика Марий Эл	0,98	0,98	Республика Калмыкия	0,95	0,93
Омская область	0,99	0,99	Калининградская область	0,98	0,98	Кемеровская область	0,95	0,86
Забайкальский край	0,99	0,97	Ленинградская область	0,98	0,99	Курганская область	0,95	0,96
Курская область	0,99	1,00	Тульская область	0,98	0,99	Новосибирская область	0,95	0,94
Белгородская область	0,99	0,99	Архангельская область	0,98	0,96	Республика Тыва	0,92	0,94
Хабаровский край	0,99	1,00	Иркутская область	0,98	0,94	Чеченская Республика	0,92	0,75
Новгородская область	0,99	0,99	Нижегородская область	0,98	0,96	Красноярский край	0,92	0,96
Томская область	0,99	1,00	Рязанская область	0,98	0,98	г. Москва	0,91	0,94
Республика Коми	0,99	0,97	Тверская область	0,98	0,95	Волгоградская область	0,91	0,94
Чувашская Республика	0,99	0,99	г. Санкт-Петербург	0,98	0,99	Московская область	0,87	0,84
Республика Саха (Якутия)	0,99	0,98	Астраханская область	0,98	0,95	Сахалинская область	0,85	0,75
Республика Северная Осетия - Алания	0,99	0,99	Республика Мордовия	0,98	0,99	Республика Ингушетия	0,81	0,85
Краснодарский край	0,99	0,98	Пермский край	0,98	0,97	Ярославская область	0,79	0,78
Псковская область	0,99	0,98	Республика Карелия	0,98	0,93	Чукотский автономный округ	0,60	0,50
Челябинская область	0,99	0,92	Костромская область	0,98	0,98	Республика Дагестан	0,31	0,52

1 — Денежные доходы на душу населения и объем платных туристских услуг и услуг КСР; 2 — ВРП и объем платных туристских услуг и услуг КСР.

Таблица 4. Корреляционная матрица

	Денежные доходы (в среднем на душу)	Объем платных ту- ристских услуг и услуг КСР	Валовой региональный продукт в основных ценах
Денежные доходы (в среднем на душу)	1		
Объем платных туристских услуг и услуг КСР	0,996	1	
Валовой региональный продукт в основных ценах	0,988	0,992	1

тивных средств размещения, а чем больше оказано туристских услуг и услуг КСР, тем больший вклад туристская отрасль оказывает на объем валового регионального продукта, а больший объем валового регионального продукта, тем выше денежные доходы населения. На рисунках 1, 2 и 3 показана модель зависимости денежных доходов населения и валового регионального продукта от объема платных туристских услуг и услуг коллективных средств размещения:

$$1. Y(x) = 2E-09x^6 - 2E-06x^5 + 0,001x^4 - 0,258x^3 + 34,97x^2 - 2371,1x + 69834; R^2=0,996$$

Y – денежные доходы населения, руб.;

x – объем платных туристских услуг и услуг КСР, млрд. руб.

$$2. Y(x) = 2E-08x^6 - 3E-05x^5 + 0,013x^4 - 3,355x^3 + 456,3x^2 - 31636x + 88896; R^2=0,997$$

Y – ВРП, млрд. руб.;

x – объем платных туристских услуг и услуг КСР, млрд. руб.

$$3. Y(x) = 4E-10x^4 - 8E-06x^3 + 0,099x^2 - 594,8x + 1E+06; R^2 = 0,990$$

Y – ВРП, млрд. руб.;

x – денежные доходы населения, руб.

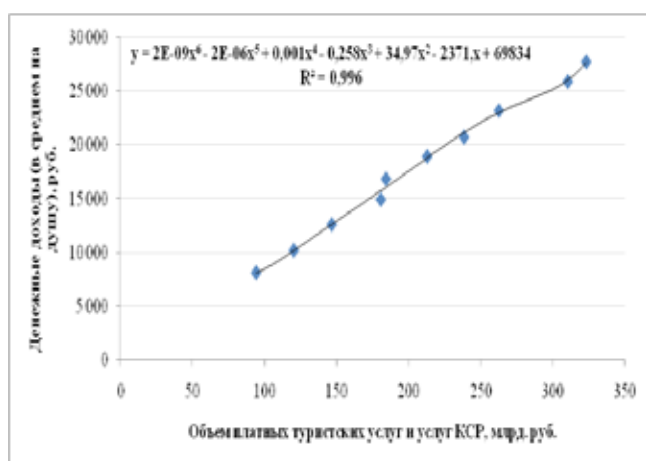

Рис. 1. Корреляционное поле зависимости денежных доходов населения от объема платных туристских услуг и услуг КСР

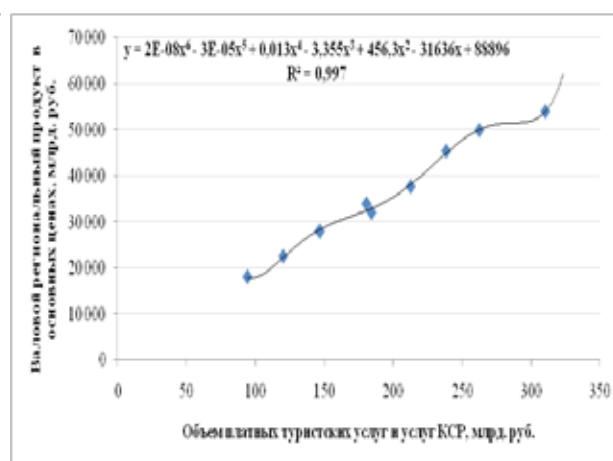

Рис. 2. Корреляционное поле зависимости ВРП от объема платных туристских услуг и услуг КСР

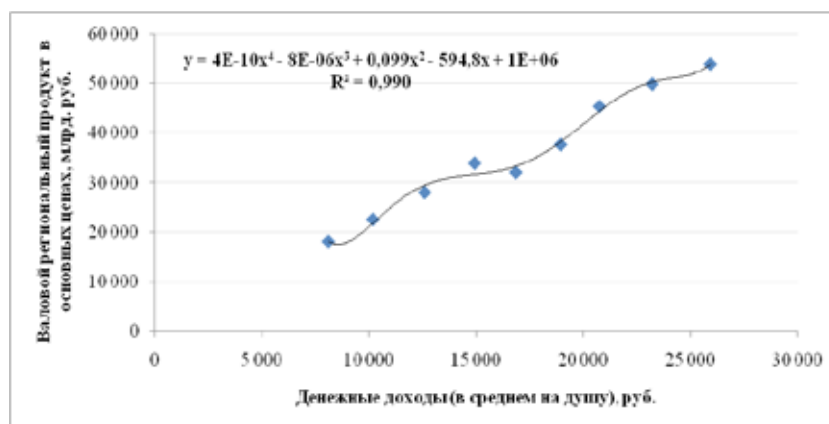

Рис. 3. Корреляционное поле зависимости денежных доходов населения и ВРП

Развитие туризма на территории оказывает большое влияние на повышение благосостояния населения и территории, что в свою очередь влияет на такие социально-экономические процессы, как: обеспечение отдыха

и досуга, обеспечение услугами транспорта и связи, создание дополнительной занятости и повышения оплаты труда, повышение культурной образованности населения.

Литература:

1. Кобзева А.Ю. Перспективы развития экономики региона: проблемы перехода к инновационной экономике (на примере Республики Башкортостан) / Кобзева А.Ю. // Социально-экономические проблемы развития территориальных систем и механизмы повышения их конкурентоспособности: Труды XII Международной конференции молодых ученых. — 2014. — С. 49-52.
2. Зиннурова Г.Р., Орешников В.В. Методические аспекты оценки развития сферы муниципальных услуг [Текст] / Г.Р. Зиннурова, В.В. Орешников // Фундаментальные исследования. — 2015. — № 12-6. — С. 1219-1223.

Согласование интересов разноуровневых территориальных образований: стратегическая компонента

Шмакова Марина Валерьевна, младший научный сотрудник
ФГБУН Институт социально-экономических исследований УНЦ РАН (г. Уфа, Россия)

В статье рассматриваются существующие методы стратегирования. Обоснована необходимость обеспечения в региональных стратегиях сочетания интересов разноуровневых субъектов хозяйствования и различных институциональных секторов экономики регионов.

Ключевые слова: региональное стратегирование, согласование интересов, пространственный подход.

Встраивание любого государства во внешнее экономическое пространство требует консолидации усилий как по вертикали управления, так и по горизонтали. При этом хозяйствующие субъекты должны являться активными участниками такого взаимодействия, чего не наблюдается в настоящее время в нашей стране, поскольку государство не создает достаточных стимулов, не обеспечивает согласование и взаимодействие большого числа участников внешнеэкономических отношений. Отсутствие согласованности характерно и для регионального уровня управления, причем несогласованность проявляется как с точки зрения недоучета стратегических целей развития государства, так и с позиции построения взаимоотношений с бизнесом.

В такой ситуации именно разработка стратегии пространственного развития территорий может устранить несогласованный характер взаимодействия органов власти между собой и с хозяйствующими субъектами. Это обусловлено способностью именно пространственного подхода объединить воедино и направить «в одну сторону» с развитием всего государства развитие отдельных городов, муниципальных образований, хозяйствующих

субъектов. Разработка стратегии пространственного развития территорий может и должна послужить основой для согласования целей и задач, а также совместного и взаимовыгодного решения проблем разноуровневыми территориальными образованиями. Ведь, как правило, из-за отсутствия согласованности интересов как на вертикальном, так и на горизонтальном уровнях снижается эффективность от принятия уже существующих стратегий территориальных образований [7].

Актуальность проблемы недостаточной согласованности интересов разноуровневых территориальных образований подтверждается большим количеством публикаций по данной тематике [2, 5, 9]. Однако слабо раскрыта тематика согласования и интересов в рамках разработки стратегии развития разноуровневых территориальных образований.

В соответствии с Федеральным законом Российской Федерации от 28 июня 2014 г. N 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», стратегическое планирование осуществляется на федеральном уровне, уровне субъектов Российской Федерации и уровне муниципальных образований [1] путем

разработки концепций, доктрин, стратегий, программ, проектов (планов) устойчивого развития страны с учетом задач обеспечения ее национальной безопасности. Тем не менее, множество исследователей и специалистов по-своему трактуют содержание инструментов стратегического управления. Так, например, Т.Л. Каппушева, основными инструментами стратегического управления регионом считает [4, с. 91]:

- 1) миссию региона;
- 2) сценарий развития;
- 3) концепцию развития;
- 4) социально-экономическое прогнозирование;
- 5) целевые комплексные программы;
- 6) механизм реализации целей регионального стратегического управления.

Говоря о последних десятилетиях, в период активного вовлечения в различные сферы хозяйствования методов стратегического менеджмента, многие из них вошли в состав инструментов обоснования стратегии социально-экономического развития регионов (муниципальных образований). К их числу необходимо отнести: SWOT-анализ; BSC — система сбалансированных показателей; РМ-системы; метод формирования стратегии (MACS), метод EVA — экономической добавленной стоимости и др. Что касается методов прогнозирования, то современная практика насчитывает более 220 различных методов и методик прогнозирования, которые условно классифицируются в 3 группы:

- 1) методы экстраполяции (задачи динамического и статического анализа);

- 2) методы экспертных оценок (индивидуальные оценки и коллективные);

- 3) методы моделирования (логические, информационные, математические).

Проблематика стратегирования достаточно подробно представлена в экономической литературе. При разработке стратегических планов используются методы системного анализа (Львов Д.С., Гранберг А.Г., Егоршин А.П., 2005; Калужский М.Л., 2007), экономического анализа (Казак А.С., Самсонов Р.О., Кисленко Н.А., 2007), статистические методы (Марков В.А., 2012), метод программно-проектного управления (Татаркин А.И., 2012, Лаврикова Ю.Г., 2011), метод межотраслевых балансов (Ершов Ю.С., Мельникова Л.В., Суслов В.И., 2009), методы прогнозирования (Кузык Б.Н., Кушлин В.И., Яковец Ю.В., 2008) и др. Однако несмотря на достаточно высокую инструментальность существующих методов, отсутствие учета пространственной компоненты обеспечивает достижение установленных результирующих параметров территории без оценки их влияния на пространственные характеристики систем более высокого иерархического уровня. Следует также отметить, что как правило, региональные системы учитывают два сектора — государство и бизнес, в то время как домохозяйство, являющееся одним из важнейших потенциальных инвесторов [3, 6, 8], выпадает из поля зрения. (рис. 1).

Рассмотрим существующий алгоритм стратегирования на основе программно-целевого подхода. Основной целью стратегического плана социально-экономического раз-

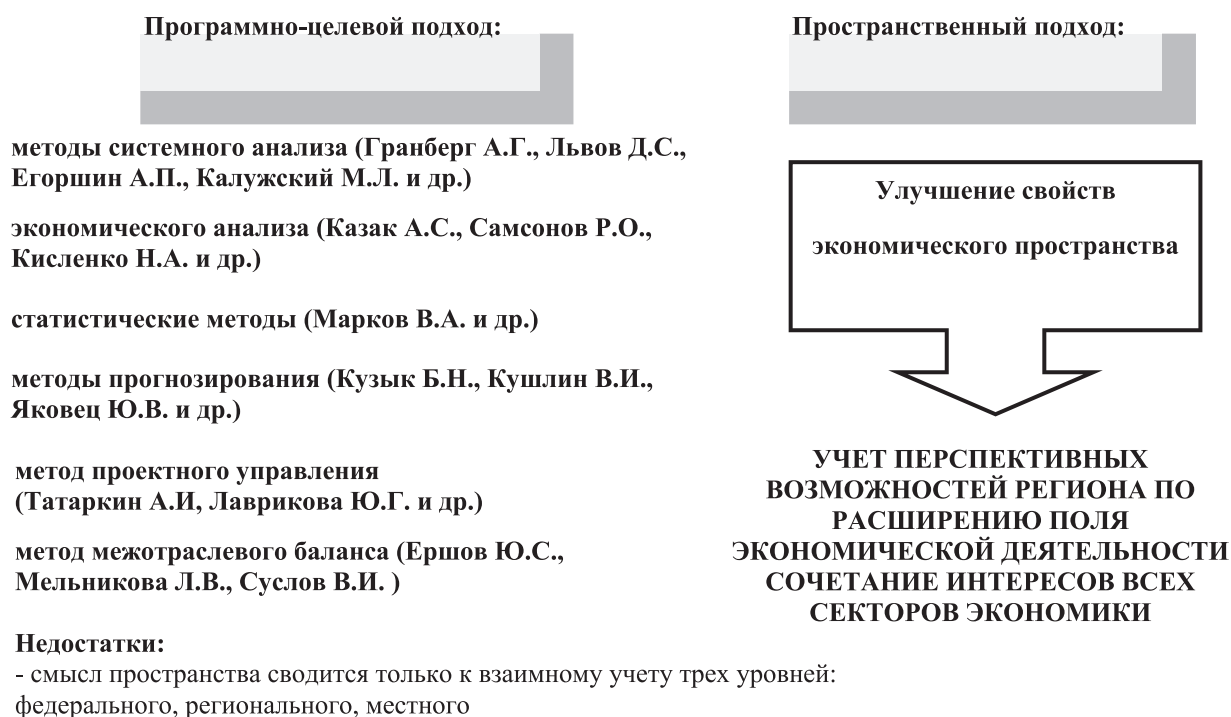

Рис. 1. Пространственный подход к стратегированию

вита региона является обоснованный выбор направлений регионального развития и инструментов для их осуществления. Процесс разработки стратегии социально-экономического развития региона проходит несколько этапов. Первым этапом разработки является формирование стратегической миссии региона, которая должна быть структурирована и обоснована. Она должна четко формулировать стратегические цели, задачи и мероприятия по их реализации. На следующем этапе разработки стратегии социально-экономического развития региона необходимо преобразовать сформулированную миссию и направления развития в конкретные цели, которые обязаны быть напряженными, но достижимыми. Следующим этапом стратегического управления регионом, на котором возникает необходимость выбора из набора действий и согласованность их последовательности, является разработка стратегии достижения целей. Далее эти цели найдут свое отражение в различных программах и действиях. При этом нужно учитывать, что планирование — одна из важнейших функций управления регионом в четко обозначенном правовом поле.

Внедрение и реализация стратегии региона является важным этапом разработки стратегического плана, но не завершает его. Далее необходимо проводить оценку деятельности и мониторинг результатов, на основе которых принимается решение о необходимости корректив. Корректирующие действия необходимы хотя бы потому, что принятие стратегических решений происходит в условиях появления новых обстоятельств в окружении региона. Таким образом, стратегическое планирование представляется как практически непрерывный процесс. Однако существующий алгоритм разработки стратегического плана социально-экономического развития территории учитывает исключительно интересы, цели и задачи

региона и, с точки зрения пространственного подхода к стратегическому планированию не рассматривает позиционирование региона на разных иерархических уровнях. Из чего возникает необходимость на основе комплексного учета межотраслевых и межсекторальных взаимодействий разработать такую систему стратегий, которая позволила бы нивелировать пространственно-временные диспропорции.

С этой целью в качестве основных задач стратегического планирования, исходя из пространственного подхода, следует выделить:

- горизонтальный и вертикальный анализ уровня социально-экономического развития территорий и оценка потенциала их роста;
- позиционирование объекта стратегирования в экономическом пространстве;
- установление целей и задач разработки стратегий развития территорий;
- разработка сценарных прогнозов развития территорий в соответствии с пространственным вектором развития;
- создание системы мониторинга достижения целей развития территорий в пространственных координатах.

Таким образом, можно выделить следующие организационно-экономические предпосылки трансформации подходов к региональному стратегированию:

- требование учета в процессе стратегирования императивов пространственной экономики, связанных с улучшением свойств экономического пространства;
- необходимость обеспечения в региональных стратегиях сочетания интересов разноуровневых субъектов хозяйствования (вертикальное согласование) и различных институциональных секторов экономики регионов (согласование по горизонтали).

Литература:

1. Федеральный закон Российской Федерации от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации».
2. Иванов, П. А. Систематизация интересов разноуровневых территориальных образований // Инновационные технологии управления социально-экономическим развитием регионов России Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. В 2-х частях. — 2015. — с. 190–195.
3. Иванов, П. А., Тютюнникова Т. И. Финансовые ресурсы домохозяйств как резерв экономического роста регионов России // Современные проблемы науки и образования. — 2015. — № 1. — с. 626.
4. Каппушева, Т. Л. Стратегия социально-экономического развития региона и инструменты ее реализации // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 5: Экономика. — 2012. — № 2. — с. 90–94.
5. Климова, Н. И. Теоретические основы и инструментарий регионального стратегирования: оценка практики применения // Актуальные вопросы экономической теории: развитие и применение в практике российских преобразований четвертая всероссийская научно-практическая конференция: материалы конференции. — Уфа: УГАТУ, 2015. — с. 21–25.
6. Красносельская, Д. Х. Соотношение норм накопления физического и человеческого капитала: теоретические подходы и апробация модели // Интеллект. Инновации. Инвестиции. — 2013. — № 4. — с. 92–96.
7. Кузнецова, Ю. А. О сущности категории «эффективность» в контексте территориального развития // Молодой ученый. — 2015. — № 8 (88). — с. 558–562.

8. Подкопаев, О.А. Некоторые вопросы взаимосвязи социально-экономических институтов и экономического роста // В сборнике: Актуальные вопросы экономики и финансов в условиях современных вызовов российского и мирового хозяйства Материалы III-й Международной научно-практической конференции. 2015. с. 195–198
9. Фридман, Ю. А., Речко Г. Н., Бияков О. А., Блам Ю. Ш. Выбор показателей для оценки уровня согласованности интересов экономических субъектов в регионе // Вестник Кузбасского государственного технического университета. — 2008. — № 4. — с. 111–116.

Молодой ученый

Международный научный журнал

Выходит два раза в месяц

№ 5.4 (109.4) / 2016

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Ахметов И. Г.

Члены редакционной коллегии:

Ахметова М. Н.
Иванова Ю. В.
Каленский А. В.
Куташов В. А.
Лактионов К. С.
Сараева Н. М.
Авдеюк О. А.
Айдаров О. Т.
Алиева Т. И.
Ахметова В. В.
Брезгин В. С.
Данилов О. Е.
Дёмин А. В.
Дядюн К. В.
Желнова К. В.
Жуйкова Т. П.
Жураев Х. О.
Игнатова М. А.
Коварда В. В.
Комогорцев М. Г.
Котляров А. В.
Кузьмина В. М.
Кучерявенко С. А.
Лескова Е. В.
Макеева И. А.
Матроскина Т. В.
Матусевич М. С.
Мусаева У. А.
Насимов М. О.
Прончев Г. Б.
Семахин А. М.
Сенцов А. Э.
Сенюшкин Н. С.
Титова Е. И.
Ткаченко И. Г.
Фозилов С. Ф.
Яхина А. С.
Ячинова С. Н.

Международный редакционный совет:

Айрян З. Г. (Армения)
Арошидзе П. Л. (Грузия)
Атаев З. В. (Россия)
Бидова Б. Б. (Россия)
Борисов В. В. (Украина)
Велковска Г. Ц. (Болгария)
Гайнич Т. (Сербия)
Данатаров А. (Туркменистан)
Данилов А. М. (Россия)
Демидов А. А. (Россия)
Досманбетова З. Р. (Казахстан)
Ешиев А. М. (Кыргызстан)
Жолдошев С. Т. (Кыргызстан)
Игиснинов Н. С. (Казахстан)
Кадыров К. Б. (Узбекистан)
Кайгородов И. Б. (Бразилия)
Каленский А. В. (Россия)
Козырева О. А. (Россия)
Колпак Е. П. (Россия)
Куташов В. А. (Россия)
Лю Цзюань (Китай)
Малес Л. В. (Украина)
Нагервадзе М. А. (Грузия)
Прокопьев Н. Я. (Россия)
Прокофьева М. А. (Казахстан)
Рахматуллин Р. Ю. (Россия)
Ребезов М. Б. (Россия)
Сорока Ю. Г. (Украина)
Узаков Г. Н. (Узбекистан)
Хоналиев Н. Х. (Таджикистан)
Хоссейни А. (Иран)
Шарипов А. К. (Казахстан)

Руководитель редакционного отдела: Кайнова Г. А.
Ответственный редактор спецвыпуска: Шульга О. А.

Художник: Шишков Е. А.

Верстка: Бурьянов П. Я., Голубцов М. В.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.
За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

почтовый: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231;

фактический: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <http://www.moluch.ru/>

Учредитель и издатель:

ООО «Издательство Молодой ученый»

ISSN 2072-0297

Подписано в печать 27.03.2016. Основной тираж номера: 500 экз., фактический тираж спецвыпуска: 20 экз..
Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, 25